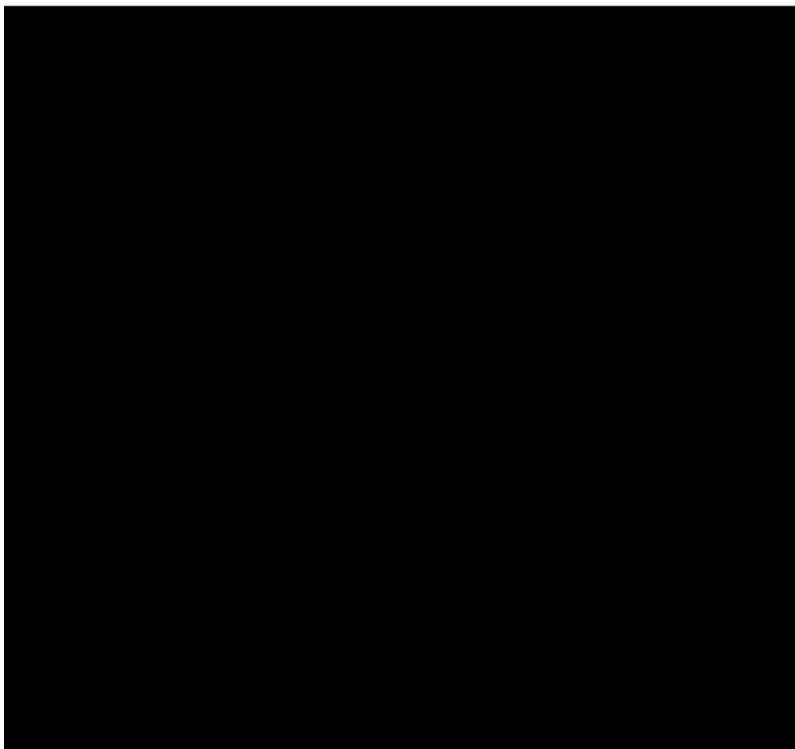

Любовь Болконская

Душа

Экспериментальный психороман

Любовь Болконская Душа. Экспериментальный психороман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22169675
ISBN 9785448351983*

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались над тем, зачем и для чего живёт человек? Скорее всего, да. И, скорее всего, не раз. И очень трудно, когда ты не знаешь, для чего ты живёшь. Ещё труднее, когда знаешь, но не можешь воплотить свои мечты в реальность. Книга повествует о духовных поисках человека, его непростом выборе и самое главное – как найти выход из тьмы, которая охватывает твоё сознание. Так что же выход – это смерть или, наоборот, жизнь?

Содержание

Несколько слов от автора	5
Пролог	6
Глава 1. Приближение тьмы	9
I. Решётки на окне	9
II. На одной из сторон души Виктора	28
III. Мысль и деятельность	38
Глава 2. Сны Августина	63
Первый сон Августина	63
Второй сон Августина	66
Третий сон Августина	68
Глава 3. Лёгкое прикосновение тьмы	70
Глава 4. Прогулки во тьме	81
Глава 5. Неожиданные события в жизни Виктора	92
Глава 6. «Мёртвые» души	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Душа
Экспериментальный
психороман
Любовь Болконская

© Любовь Болконская, 2016

ISBN 978-5-4483-5198-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов от автора

Наверняка, читатель мой, ты ещё никогда в жизни не слышал о таком жанре, как «экспериментальный психороман». Объясню только то, что произведение называется «экспериментальным», потому что оно более создано как небольшой эксперимент, нежели чем художественное произведение. Жанр «психороман» объяснять не буду. Ты, читатель мой, сам всё поймёшь. Если не разумом, то душой своей, *про себя*, ты всё поймёшь.

Возможно, чтение будет сложным. Но разве оно должно быть лёгким? Я считаю, что мысль только тогда имеет смысл, если она выходит за поставленные рамки. И моё произведение выходит за рамки обычного художественного романа. И я знаю, что несмотря на сложность чтения, ты, читатель мой, поймёшь всё, потому что то, как ты поймёшь это произведение, значит, о том оно и написано.

Пролог

Здесь было темно. Кругом была тьма. Казалось, что света здесь не было очень давно, а, может, и не было вообще. Но, тем не менее, сквозь эту тьму, если внимательно приглядеться, можно было увидеть кое-что. Это кое-что было маленьким и неподвижным. Это был человек.

Человек был в длинной белой рубахе, от которой, казалось, шло небольшое свечение, отчего его и было заметно в этом пустом и тёмном пространстве. Больше здесь не было никого и ничего. Огромное, кажущееся бесконечным, пространство тьмы вмещало в себе только этого одного, трясущегося от страха человека. Страх окутывал всё его существо. Он и сам не понимал, чего боится. Но страх огромной силой своей поглощал человека в ладони своей власти...

Если внимательно присмотреться, то также можно было увидеть огромные стены, которые были выстроены в виде угла вокруг человека. Человек был загнан в этот угол, и он лежал там, не показывая своего лица. И высокие стены окружали его, отделяя от внешнего мира.

Человек этот был узником своего страха. Человек был зачѐн в своём главном страхе – осознании собственного бессилия. Он не метался по темнице своей, не пытался кричать или бежать. Он знал, что выхода из этой узницы страха и тьмы для него нет. И потому он, запуганный и несчастный,

просто лежал в углу.

Когда-то этот человек обладал огромной силой, но теперь этой силы его лишили. А, может, его никто и не лишал этой силы? Но, к сожалению, человек не знал, что силу духа у него никто отнять не может, а потому был полностью уверен, что сил у него на борьбу со своим страхом и тьмой нет. И теперь, когда-то сильный, он лежал, беспомощный и напуганный. И он не верил, что у него вообще есть какая-то внутренняя сила.

Человек даже не представлял то, насколько он был силён. Он был так силён, что мог сломать эти стены. Он мог выбраться из тёмного угла и прийти к свету. Но он этого не делал... Он считал, что не способен освободиться от оков страха и тьмы. Он не знал, что делать. Да и делать что-либо ему вовсе не хотелось. Он *просто* лежал здесь, трясся от страха и ждал своего спасения. Хоть он и боялся, но, находясь в ладонях страха, он мог ещё что-то соображать. Он не мог набраться духу и обрести смелость, чтобы покорить собственное бессилие, и поэтому он, как любой сломленный человек, верил в то, что кто-нибудь его всё равно спасёт. И спаситель – это не иллюзия. Он не представлял себе, кто его спасёт, но надежда жила внутри него. Он верил в то, что *спасение обязательно придёт*. И потому он, свернувшись в клубок и что-то пряча под рубахой (то, что как раз и светило во тьме и делало его фигуру заметной), ждал своего спасителя. Он не знал, как выглядит этот спаситель. Но он даже

ни на секунду не сомневался в том, что его спаситель существует. Тот, кто сломлен, всегда найдёт в себе обломок веры. И он верил, что спасение придёт.

Он ждал *его*...

Глава 1. Приближение тьмы

I. Решётки на окне

Огромная серая туча надвигалась на Город. Сильный ветер дул так, что тонкие и высокие деревья прогибались и кланялись перед его могуществом. Мелкий мусор, листья и пыль поднимались с земли и кружили над ней. Шшш... Ссс... Шсс... Шшш... – свистел ветер. Тучи из светло-серых превращались в тёмно-серые и пытались собой закрыть последние кусочки белого неба, которое казалось белым именно из-за того, что находилось на фоне этих серых туч. Деревья шатались из стороны в сторону, где-то был слышен даже хруст ломающихся веток. Таким в Город приходила лето. Лето, разъярённое и злое на людей, лето, готовое расплакаться, чтобы своими слезами смыть горе человеческое и грехи их. Таким было начало июня в Городе. Солнце пряталось за серыми тучами и давало приходиться тьме.

Тучи двигались вперёд, заполняя собой большую часть неба, оставив миру только небольшой, прекрасный, голубой кусочек, перемешанный с перистыми белыми облаками. Но перистые облака с лёгкостью воссоединялись со светло-серыми краями огромной надвигающейся тучи так, что даже этому небольшому кусочку голубого неба, связывавше-

го собой Мир и Космос, суждено было исчезнуть за серым цветом, который впоследствии всегда становится *чёрным*...

«Эгэгэгэээй!» – Разносилось по всей улице. Это пел человек, находившийся в состоянии алкогольного опьянения. Он шёл, еле волоча ногами и шатаясь из стороны в сторону. Его старые чёрные ботинки шаркали по земле, издавая неприятные звуки. На нём были старые широкие джинсы, выдавшие многое, что даже не было понятно, какого они цвета. Джинсы уводили к старой ветровке грязно-зелёного цвета, из-под которой виднелась шея, выглядевшая тёмно-коричневой из-за грязи. Лицо его было таким же грязным и неумытым. И лицо его от частого употребления алкоголя стало ещё красным и опухшим, а глаза горели какой-то ненавистью ко всему, что его окружает. Его вид отталкивал людей, и те, увидев его, отходили в сторону. Даже ветер не играл с его грязными и нечёсаными волосами...

«Опять он свои песни поёт?!» – Донесся крик возмущения по этой улице, в одном из дворов которой и гулял этот самый пьяный человек. Сама же улица была почти безлюдна. Это был самый крайний район Города. Здесь почти никто не жил, и только по ночам бродил пьяный народ, то распевая песни, то просто крича. Некоторые участки земли даже были окрашены в тёмно-бардовый цвет из-за крови, которая здесь часто проливается в ходе пьяных драк. Все дома не были новы, но не так уж и не были они стары. Это были обычные дома построек уже прошлого столетия, обычные пяти-

этажки с расписными стенами. Чего только не было написано на этих стенах! Сколько разных ругательств перетерпел каждый кирпич каждого дома! Единственное, что выглядело более приличным, – была надпись на одном из домов «Цой жив» под его портретом. Цоя здесь, конечно, не слушали, но и его портрета отсюда не стирали.

В одной такой пятиэтажке, где подвалы сдаются в аренду, находилась одна мастерская. Сначала было трудно понять, что она там есть. Но, взглядевшись, можно было увидеть небольшую грязную табличку, где белыми буквами было написано «Художник А.» Из небольшого окна с решётками одного из таких подвалов смотрел человек. «Опять он свои песни поёт?!» – Задал этот человек вопрос сквозь решётки и потом с ненавистью захлопнул окно так, чтобы виновник пения услышал это и прекратил своё горлодёрство. Услышал тот человек это или нет – неизвестно, но после этого он почему-то направился в другую сторону и скрылся за углом одного дома.

– За новой пошёл, видимо! – Сказал тот, кто ещё недавно был недоволен пением пьяницы и следивший за ним сквозь окно. Говоривший был одет в чёрную футболку, чёрные джинсы и высокие шнурованные ботинки. Он был высок ростом и немного худ. Вслед за его словами на его руке проблистал серебряный браслет, а затем снова потемнел под тенью тела человека. Красивый человек стоял у окна и прекрасным профилем своего лица стоял к своему другу. По-

том он повернулся к нему уже всем своим восхитительным лицом. Это был ровный, бледный овал лица с небольшими скулами на щеках и высоким лбом. Его чёрные, густые брови украшали его лицо и совсем не прятали под собой прекрасные голубые глаза, всегда немного смотревшие вдаль. У него было прекрасное и чистое лицо, но только тонкие губы его были немного зажаты, отчего он казался слегка сдержанным. Но даже эта небольшая сдержанность, скорее, шла к его лицу, а не отпугивала.

– Ты зачем окно-то закрыл? Открой снова! Сейчас невыносимая духота! – Жалобно простонал его друг. На самом деле было не так уж и душно, как ему казалось. Но человек, стоявший у окна, знал о его некоторой непереносимости духоты, имевшейся у его друга, и, глядя в его жалобные и молящие глаза, потянул свою руку к окну.

– Да, душно стало... Душно, как бывает только перед дождём. Да и небо всё сереет и сереет... Верно, дождь с грозой будет! – И он взял деревянную ручку, чуть-чуть придерживая рамы окна, посмотрел на серый асфальт сквозь решётки на окне. Небольшое запыленное окно было открыто, и свежий ветер немного стал развеивать его длинные тёмно-русые волосы. Человек отошёл от окна и сел на небольшой белый табурет прямо напротив своего собеседника. Его волосы аккуратно легли на плечи и спину хозяина. Он положил свои руки на колени, чуть-чуть сгорбился и спросил: «Так на чём мы остановились?» и с этим вопросом оглядел всю

комнату, в которой они сидели. Это был старый и тёмный подвал, где пахло сыростью. Углы были полностью темны, и только небольшая лампочка без люстры горела на потолке. Её включали только тогда, когда к хозяину кто-то приходил. В остальное же время она была всегда выключена. Этот подвал снимал один художник. Подвал был для него и мастерской и домом. Небольшая комнатёнка, со старыми ободравшимися обоями грязного коричневого цвета на стенах, не особо привлекала людей. Но тем не менее была здесь какая-то атмосфера, которая чем-то притягивала. Здесь не стояло ничего лишнего, всё было только необходимым для хозяина: раскладушка, где он спал, табурет для гостей и разного рода инвентарь, нужный для его деятельности. Хозяин комнаты был художник, а потому кругом стояли краски, картины и холсты. После глаза осматривающего комнату остановились на самом хозяине, молодом человеке с чуть длинными блондинистыми волосами, которые своей длиной скрывали его. Наконец глаза спрашивавшего нашли за волосами зелёные глаза собеседника и стали любопытно глядеть в них, ожидая ответа. И ответ последовал:

– Мы с тобой говорили о месте человека в этом мире...

– Точно! И, кажется, мы как раз-таки остановились на мне!

Нет, мой друг Августин, тебе не удалось переубедить меня! Я не могу согласиться с тобой! Вот ты говоришь, что всё в этом мире зависит от Судьбы. Но на самом деле это не так!

Человек – это мелкая рыбёшка в море людей, которая стоит ровно ничего. И перед ним стоит выбор: либо продвигаться дальше и стать крупнее, либо всегда оставаться мелкой рыбёшкой. Так получается, что человек не зависит от Судьбы и свою жизнь он устраивает сам. Никто не может решить за человека, как тому жить! В основе всегда будет лежать его собственный выбор. Либо он выбирает одно, либо – другое... Может, он вообще ничего не выберет. Например, взять того пьяницу. Утром он решил выпить, он сам выбрал выпивку в качестве спутника сегодняшнего дня, и это его выбор. И никакая Судьба не велела ему пить сегодня. Он сам выбрал это, он сам выбрал такую жизнь. Всё в нашей жизни зависит только от нашего же выбора. Даже смерть. Смерть в каком-то роде тоже является *выбором*...

– Ты осуждаешь его, Витя? – Вдруг перебил его бледный человек, сидевший на раскладушке и несчастно глядящий на своего собеседника. Собеседник понял, что друг его жалеет того человека, и потому ответил так:

– Да, я и сам любитель выпить... Но всё же надо знать меру! Выпить по случаю праздника, выходного дня или просто какого-либо события – это нормально! Русский народ никогда не откажется от алкоголя, с этим ничего не поделаешь!.. Русского человека сознательно приучают к такой модели поведения. Но кто это делает и зачем? Кому нужно, чтобы русский народ был вечно пьян? Заберите у русского народа алкоголь, дайте ему другое сознание – и страна резко изменит-

ся! Мысль – штука сложная! Вот даже тот пьяница... Хоть и пьёт, но каждый день всё равно думает, что надо выпить – и попробуй-ка отбери у него эту мысль! Что творится в голове человека только чёрт знает, ибо даже сам человек не может этого знать... Но то, что человек не знает о творящихся процессах в его голове – это ещё не беда. Что творится в его голове – вот беда! Хоть бы в ком-нибудь проснулась действительно умная и стоящая мысль! Но порой мне кажется, что таких людей России уже не видать! Были когда-то у нас великие умы... Но почему их нет сейчас?

И после своего вопроса он несколько отвернулся от собеседника, отчего не видел, как вопрос его мучительным страданием выразилось на бледном лице человека, сидевшего на раскладушке. Потом он вновь повернулся к нему и продолжил свою мысль, которую так давно хотел кому-нибудь сказать и для которой наконец-то предоставился шанс быть выслушанной:

– Может, и у нас есть умные люди, да только уезжают они из России. И это неудивительно! Ведь в России нет ничего для развития личности! Это только жалкая грязная страна рабов... Все только то и делают, что говорят о демократии, правах и свободе, а где всё это? Где? Какая речь может идти о свободе, если человек – узник собственного сознания? А кто навязал ему это сознание? А сами люди его себе и навязали! Вот взять, например, современного молодого человека. Вот он идёт по улице весь такой модный, важный, слу-

шает музыку через наушники, для него никого не существует в мире, кроме него самого. И его такого видит один, второй, третий... И к чему это приведёт? Уже завтра на улицу выйдет ещё парочка таких же модных, важных, с наушниками... И вот таким образом это уже стало общественной нормой, обычной моделью поведения, в которой для человека со временем становятся ближе его собственный мир и личность, нежели сами люди. Для человека уже лучше ходить в наушниках и слушать песни, чем наслаждаться обыкновенным голосом своего друга. Но проблема и в том, что друга-то у него уже нет! И так мы лишаемся друзей!..

– А у самого-то тебя много друзей?

– Друзей много не должно быть, иначе это уже не друзья, а просто деловые связи! Ах, как трудно найти в современном мире настоящего друга! И я очень рад, что мне повезло с тобой! Только с тобой и Аней я связан узами дружбы, только у вас я могу найти понимание...

– А как же твоя музыкальная группа?

– Да, когда-то мы общались хорошо. Но по сути у каждого из нас своя отдельная жизнь. Мы не друзья, а скорее, деловые партнеры. Собираемся только для того, чтобы отыграть музыку... Хотя это всё всегда заканчивается выпивкой, а порой прямо с неё и начинается. Выпить можно с кем угодно, но найти понимание можно только в единицах!..

Тут его прервал звук грома. «Похоже, дождь всё-таки будет... – Сказал Виктор. – Тогда я пойду, наверное... Не хочу

попасть под дождь!» Он быстро надел свою чёрную косуху, распрощался с Августином и вышел из подвала. Он осторожно поднялся по двум старым и ветхим ступенькам, открыл деревянную дверь и вышел из этого подвала, поднялся ещё и по нескольким бетонным ступенькам, которые решётками отделялись от двора дома, и отправился к себе домой.

Виктор жил недалеко от мастерской Августина. Он вышел, даже не обернувшись и не проверив, смотрел ли Августин ему вслед. Он просто своими ногами прошёл мимо окон его подвала, чтобы исчезнуть из этого двора.

Серая туча, закрывавшая собой солнце, вдруг отодвинулась, и яркий свет внезапно хлынул Виктору в глаза. И Виктор с ненавистью взглянул на этот свет и на это Солнце. Солнце, как казалось ему, стало жарить его. Оно жарило так, что от этого жара мог сгореть кто угодно.

И в этот самый момент навстречу Виктору попала небольшая компания молодых людей из шести человек. Они врассыпную обошли Виктора, и те секунды, что он стоял в центре среди этих людей были невыносимы Виктору. Эти секунды даже показались ему целой вечностью. И за это время Виктору показалось, что окружило его не шестеро парней, а все люди мира. И в этих людях Виктор задыхался. Да, именно задыхался. Ему было невыносимо и тягостно, а из-за жарившего Солнца ему было ещё невыносимее и тягостнее. Душно ему было, душно. Он задыхался в этой духоте Солнца, мира и людей. И он думал, что умрёт в этой ду-

хоте. Но парни обошли Виктора и направились своей дорогой. «Ненавижу людей», – подумал вслед уходящим Виктор и пошёл домой, стараясь избегать встреч с любым случайным прохожим. Тем временем Солнце снова спряталось уже за новой и огромной серой тучей, предвещавшей дождь, может, даже ливень...

После этого он встретил того самого пьяницу, уже валявшегося на земле с наполовину опустошённой бутылкой водки и находившимся в состоянии мертвецки пьяного сна, сквозь который он выговаривал какие-то непонятные бормотания. Виктор просто прошёл мимо, не обращая на него внимания, как будто там никого не было, и отправился дальше. Наконец он вышел из двора этих скучных пятиэтажек и стал быстрыми шагами идти к своему дому.

Уже потом Виктору всё равно пришлось встречаться со случайными прохожими. И каждый прохожий вызывал внутри него небольшой порыв злости. Дело в том, что он не любил находиться в обществе и смотреть на окружающих людей. Он не любил человечество и относился к людям с презрением. Он всегда считал себя выше людей, и если не по положению в обществе, то хотя бы по уму и характеру. По дороге он встретил несколько пьяных молодых людей, каких-то девушек-студенток и пенсионеров. Он был даже немного рад тому, что сейчас день ещё только близился к вечеру, а значит, возвращавшихся с работы людей почти не было. А случайные встречи с кем-либо из представителей

человеческого рода он мог пережить.

Быстрым шагом, минут за двадцать, он дошёл до своего двора, избегая людей и спеша домой, где он сможет скрыться от этого мира. К тому же с неба потихоньку начинали падать небольшие капли дождя, а ему совсем не хотелось попасть под него. Дождь он всегда любил, так как считал, что тот сможет спрятать его под своей пеленой от людей и этого мира. Но сегодня ему почему-то не хотелось попасть под дождь, и он решил спрятаться от мира просто у себя дома.

Он уже дошёл до дома и у дверей встретил небольшую бездомную собаку, дрожавшую от холода и просившуюся в подъезд, чтобы погреться. «Иди отсюда! Кыш!» – Прозвучал грозный голос одного соседа Виктора по подъезду. Собака убежала. И два человека зашли в подъезд. «Всё ходят и ходят сюда! И не удивительно! Ведь эта дура из сорок пятой подкармливает их! „Собака – друг человека“ – это чепуха! Бездомные собаки – это угроза для общества, особенно для детей! Их надо гнать, а не жалеть! Они никогда не пожалеют тебя, если будут грызть!» – Говорил сосед с лысой головой, пока поднимался вместе с Виктором на лифте. Наконец лифт остановился, сосед вышел на свой этаж, а Виктор поехал дальше. И вот вскоре лифт домчал его до девятого этажа, выпустил Виктора и закрыл свои двери. Виктор достал ключи от квартиры, которые коротким радостным звоном разнеслись сквозь тишину лестничной клетки, повернул одним из них в замочной скважине и очутился дома.

Дома никого не было. «Мама ушла, видимо», – подумал он и стал снимать свои ботинки. Он прошёл на кухню. Это была небольшая комната с ремонтом, который делали тут лет двадцать назад: старая-старая плитка грязного голубого цвета, старый половик, старая газовая плита и рядом с ней – старый белый стол и небольшая раковина для мытья посуды. Он вздохнул, присел на деревянный стул и подумал. Потом подошёл к холодильнику, в котором уже не работала лампочка, и открыл его. В итоге он решил, что ему всё-таки не хочется есть, закрыл холодильник и ушёл в свою комнату.

Он жил вместе со своей матерью в небольшой однокомнатной квартире. В гостиной жила его мать, а он – в отдельной комнате. Средств на собственное жильё у него не было, да и мать не могла отпустить его жить одного и «мотаться по съёмным квартирам». Он прошёл через комнату матери: это была средних размеров комната, вмещавшая в себя старый телевизор, называющийся в быту «коробкой», огромный тёмно-коричневый шкаф, у которого с петель начала отходить уже одна дверца, небольшой маленький стол-книжка и диван, служивший местом для сидения гостей днём и кроватью ночью. Впрочем, гостей здесь уже давно не было. Виктор приводил в гости своих школьных друзей, но, окончив девять классов, он со временем утерял все связи со своими товарищами. Единственным гостем, посещавшим их дом, была Анна, девушка Виктора. Но сегодня она не смогла прийти, да и сам Виктор уже не был в настроении с кем-либо

встречаться и разговаривать.

Он зашёл в свою комнату. В глаза сразу же ярко бросались плакаты на стенах. Они закрывали собой почти все бледно-зелёные обои его комнаты, которые он почему-то ненавидел и пытался закрыть, чем мог. На плакатах были изображены его кумиры – рок-звёзды. В одном углу комнаты стоял небольшой стол с ноутбуком, а в другом – его электрогитара. Он очень любил этот инструмент и дорожил им так, что даже матери было строго запрещено прикасаться к нему. Рядом со столом стояла не заправленная кровать, и напротив неё – небольшой шкаф с одеждой. Он сел в удобное, чёрное компьютерное кресло, повернулся к окну и посмотрел в него. На улице серая туча уже превращалась в чёрную. Уже начинало темнеть, и тьма начала заполнять его комнату, но включать свет ему не хотелось. Он бросил взгляд на свою гитару, но сегодня ему совсем не хотелось играть на ней, и потому он снова посмотрел в окно.

Виктор вовремя ушёл от своего друга, ибо дождь на улице уже разошёлся не на шутку. Это был уже ливень на пару с сильным ветром, царившем на улице. Не повезло тем, кто попал под этот ливень. Однако у Виктора было странное желание оказаться в центре этого ливня. Сегодня на него накатило какое-то странное сентиментальное и грустное чувство. Ему совсем ничего не хотелось, кроме одного – быть одному и скрыться от всех в этом мире. Как бы он хотел попасть под дождь, чтобы тот скрыл его от этого мира, который

не нужен ему. «И которому не нужен я, – краткой мыслью пронеслось в его голове. – Да кто вообще нужен этому миру? Никто! Человек сейчас стоит ровно ничего. Кто-то уже давно купил наш мир, всех людей в нём. Люди – это просто товар за прилавком, которого может купить любой, кто захочет. Всех умников покупают за их разум, всех красивых девушек – за их тело. Как же всё это грязно, ужасно. Я ненавижу этот Город. Все люди тонут в грязи. Поскорее бы уже уехать отсюда, поскорее бы...

Жизнь – это сплошной бег. Человек постоянно куда-то бежит, в надежде найти лучшую жизнь. Но на самом же деле он бежит только от себя самого. Сколько людей бродит по улице, боясь остаться наедине с самими собой, и между тем испытывая огромное отвращение к человечеству! Люди всегда куда-то спешат, они всегда суетятся и заняты своими проблемами, не обращая внимания на других. Но эта лишняя суета губит только их самих. Люди несчастны, а кто их сделал несчастливymi? Только они сами.

Счастье человека – это найти себя, обрести смысл жизни, не существовать, а *жить*. Каждый человек рождён для исполнения какой-то своей миссии: это может быть обычная забота о других или место в мире искусства. И то и другое сложно. Но, к сожалению, не все люди могут найти себя... Кто-то, не найдя себя, кончает жизнь самоубийством, а кто-то занимает не своё место и до конца жизни остаётся несчастливым...

Какое же это счастье найти себя! Быть тем, кем тебе нравится быть! Быть тем, кем ты хочешь, – словно полёт в небе! Ты летишь, и ты свободен! Ты рисуешь себя в небе жизни, вдохновляя других, и самое главное – ты свободен. Свобода – один из ключей к счастью. Только освободившись, твои крылья вырастут и ты взлетишь, чтобы найти себя и стать счастливым... Но как стать свободным в мире, где не дают стать свободным?

Будь в мире не то рабство, не то демократия, всегда остаётся принципиальность общества. В какой бы стране ты ни жил, от общества и его принципов тебе не уйти. А главный принцип общества – быть толпой, слепо следовать за другими, делать то, что тебе говорят. И стоит человеку только на пару шагов отойти в сторону, как на него сыплются критика и косые взгляды. Стоит тебе пойти другим путём, то в тебя начинают кидать камни, из которых ты выстроишь себе стену, чтобы следующие удары не были такими болезненными, как первые. Ты не сможешь убедить других выйти из толпы. Уйти – это выбор, на который осмеливаются только *сильные*...

Мир – это идущая толпа несчастных людей, смотрящих в небо, где царит свобода, и не смеющих мечтать об этой свободе, потому что их выбор – это идти, стаптывать себе ноги, подчиняясь принципам, сила которых кажется им огромной, а выполнение их приказов – своим долгом и обязанностью. Над такими людьми не светит ласковое Солнце – их испепеляет огромное светило. Их голубое небо захватыва-

ют и подчиняют себе чёрные тучи, молнией убивая любого, кто посмеет мечтать о чистом небе... Их место жительства – огромное пустое пространство, которое надо заполнить и которое они заполняют такими же пустыми людьми. У каждого человека внутри пустота, которую он заполняет материальными вещами; все люди помешаны на деньгах, машинах, квартирах, роскоши... И действительно, материальные вещи будут тебе всегда преданы: они не уйдут, как любовь, и не предадут, как друг. Но и этот принцип заполнения пустоты придумали те же люди. Кто-то однажды предпочёл материальные ценности важнее духовных, и вся толпа решила также. Люди шагают строем, по пути собирая мелочи, которыми пытаются заполнить свою пустоту. Они дерутся за эти мелочи, а тот, кто побеждает, получает, так называемый, вес в обществе, возможности якобы всемогущества. Они решают всё деньгами... И если у тебя нет денег, то ты обязан лизать этим сильным особям пятки, чтобы получать гроши. Они знают, что тебе больше некуда пойти, и просто-напросто эксплуатируют тебя, издеваются над тобой ради собственного удовольствия. Молодые девушки боятся быть бедными, а потому готовы продать свою любовь любому, кто имеет огромный кошелёк. Но и здесь надеяться тоже не на что: они используют тебя, наиграются, а потом выбросят, как старый хлам.

Люди идут в эту толпу, не видя, какова она на самом деле и как она страшна и ужасна! И если ты наконец обернёшь-

ся вокруг себя и увидишь этот мир, то твоя душа не позволит тебе оставаться здесь. Жить в толпе станет невыносимо, это всё будет давить на тебя. Выживут не сильнейшие, а наглые, злые и чёрствыые люди без сердец. И если ты останешься здесь, то всегда будешь чувствовать, что совершил душевную подлость...

С этим бороться никак нельзя. Ты делаешь шаг в сторону, уходишь от этой толпы и попадаешь в другую – ту, что ненавидит первую. И толпа эта оказывается не лучше первой, ведь здесь каждый чувствует себя необыкновенной единицей, огромной личностью... Это просто люди, которые то и дело пытаются показать, как они отличаются от других. Но они читают одни и те же книги, слушают одну и ту же музыку, смотрят одни и те же фильмы, носят одну и ту же одежду... И думают они все одинаково. Они просто создают себе моду на всё и следуют ей. Они возражают первой толпе, не замечая, что и они тоже являются толпой.

Эти толпы везде... Как можно найти себя, если ты всё время следуешь за той или иной толпой? Единственный выход – остаться одному, быть одним и жить так, как нравится тебе, не подчиняясь общественным принципам...»

Он снова посмотрел в окно – там всё также лил дождь как из ведра, капли которого ударяли по стеклу и которые он стал слушать. Эти странные звуки были словно музыкой для него. Он слушал их, пустым взглядом смотря в окно и начиная растворяться в собственных мыслях. Он смотрел на окно

и спадающие вниз по стеклу капли, предаваясь игре воображения и представляя некоторые образы. Он смотрел на них, ему казалось, что капли образуют огромную могилу, в которую бросаются люди. «Мир – это могила людей... Но можно ли назвать мир огромной могилой, если люди бросаются в неё добровольно? – Стал размышлять он. – Что губит человека? Никто не может погубить человека, только он сам и губит себя. Человек сам себя убивает. Он убивает себя своими чувствами или воздержанием от них, он убивает себя своими мыслями или их отсутствием. И куда бы человек ни пошёл, он везде убьёт себя...»

«А что же убивает меня?» – Вдруг внезапный вопрос встал перед ним. Станный вопрос, вставший во время размышлений, вдруг сильно испугал его и привёл даже в некоторый шок. Наверно, это был один из тех вопросов, ответа на который он не знает. «А что же убивает меня?» – Повторил он уже вслух вопрос, заданный самому себе, и постарался ответить на него – «Жизнь эта убивает меня...»

Капли дождя вдруг стали ещё сильнее колотить по стеклу, а ветер свистеть ещё громче. Это несколько испугало его и вывело из круга размышлений. «Жизнь эта убивает меня...» – Повторил он свою последнюю мысль и вдруг моментально посмотрел на небольшие часы, стоявшие на столе рядом с ноутбуком. Сквозь темноту он не рассмотрел точного времени, но ему показалось, что стрелки показывали уже чуть больше полуночи. Он посмотрел на ноутбук и на рамки

с фотографиями, стоявшие около него. Там было всего два фото: на первом были его мать и он, когда он пошёл в первый класс, а на втором – он и его девушка, гулявшие в парке. Он посмотрел на фотографии, а потом снова повернулся к окну. Капли дождя всё также сильно били по стеклу. Они уже успели смыть собой все остатки мыслей Виктора и начинали рисовать что-то новое. Виктор вдруг увидел образ человека, который капли разрисовали во всю величину окна. Внутри этих капель он нашёл миллионы своих собственных отражений. Он увидел себя, бледного и хмурого. Он смотрел на капли, играющие с его отражениями и воображением, и мыслями стал куда-то уходить. Он больше не размышлял, ему больше не хотелось думать и расстраиваться или злиться от собственных мыслей. Он смотрел в окно, забываясь, уходя от этого мира и начиная погружаться в другой мир собственного сознания... Глаза его стали закрываться, и он уснул. И ему начал сниться сон. Вдруг тьма и сильный дождь сменились светлым солнечным днём и прекрасным голубым небом...

II. На одной из сторон души Виктора

– Витя! – Вдруг сказал один маленький мальчик лет семи с огромным букетом роз в правой руке. Это был мальчик с пухлым детским лицом, весёлым карими глазами и тёмными волосами. – Витя! – Повторил он. – А меня зовут Глеб!

Этот маленький мальчик протянул ему свою маленькую пухленькую ручку и светлой улыбкой озарял происходившую вокруг суету. Маленький Витя, ещё с такими же короткими волосами и пухлыми щёчками, которые делали его ещё более милым и симпатичным, протянул Глебу руку. Кругом была суета. Суетились взрослые, суетились дети. Это было первое сентября, тот самый, как говорится, «первый раз в первый класс». Витя и Глеб стояли в этой толпе таких же семилетних детей с весёлыми и одновременно серьёзными лицами. Они все были серьёзны, так как для них этот день был очень важным, ведь этот день был устроен для них. Среди них были девчонки с белыми бантами, которые почему-то так нравились маленькому Вите.

Витя стоял рядом с Глебом и своей мамой. Он смотрел на её слегка взволнованное, но всё равно счастливое лицо. Витя смотрел на неё и радовался, ведь мама, его мама, была красивее всех девчонок с этими огромными белыми бантами. Он смотрел на её светлые волосы, сияющие голубые глаза, которые только немножко были искажены лёгкой взвол-

нованностью. Её лицо то улыбалось, то становилось серьёзным. Однако даже серьёзное лицо её радовало Витю.

Вдруг перед всей этой суетой, прямо перед Витей встала одна огромная женщина. Она казалась Вите огромной, потому что сам он был мал перед ней. Это была высокая, стройная женщина с чёрными волосами и в деловом костюме. «Первый „А“!» – Грозно и величественно прокричала она. «Иди за ней!» – Сказала мама и отпустила витину руку, подтолкнув его к этой женщине. И чуть не расплакался маленький Витя. Идти к той, с чёрными волосами, ему совсем не хотелось. Но он уходил, а мама, любимая мама, оставалась далеко-далеко...

И тут сон Виктора стал превращаться в кошмар. Вид учительницы вызвал страх в его сознании. Даже лицо Глеба стало исчезать в круговороте лиц учителей, с которым Виктор провёл много лет. Ушло счастье, ушло детство. Теперь пришла школа. И учителя, так ненавистные ему, стали проноситься перед ним. И особенно выделялся его нелюбимый учитель, злобный историк, который с указкой стоял перед ним и что-то объяснял. Его лысая голова была ненавистна Вите. Вите вообще было ненавистно всё, что было связано с этим учителем. Он ненавидел его прямоугольные очки, его костюм и его галстук. Он даже ненавидел его ботинки.

«Жалкое подобие элиты – вот кто эти учителя, – вдруг поток мыслей вместо образов стал пролетать в голове Виктора. – Дети для них – это сброд. Они считают себя самыми

лучшими на свете, когда на самом деле просто ничтожны.

В чём вообще роль учителей? Затолкать в голову детей знания? А вот и нет. Задача их – с самого раннего возраста вбить человеку в голову те правила жизни, которым должен следовать каждый. Они только учат тому, как жить в той толпе, в которую юные люди попадут после окончания школы. Что они делали, когда я учился в школе? Всё, что они делали, – это только то, что они подавляли личность ребёнка да ещё и подавали это так, как будто так и должно быть. Конечно, детей они не били. Но делали они нечто хуже. Они убивали *морально*.

Сначала они принимают детей в школу, где и начинается вдавливание в голову и сознание мысли о том, каким тебе «надо быть». Для них не существует слово «не хочу», для них существует слово «должен». Как же я ненавижу это слово «должен»! Ты *должен* им подчиняться, ты *должен* делать домашнее задание, ты *должен* делать то, что скажут, ты *должен* идти в толпе и подчиняться ей... Ты *должен* то, ты *должен* сё!.. *Человек должен жить*, в первую очередь, а не быть должным перед кем-либо!

Но больше всего было ненавистно и противно то, как эти учителя пытались стать ученикам друзьями. Дружба их – ложь! Они тебе никогда не приказывали – они тебе только советовали, они никогда не вдавливали в вас свои мысли – они только объясняли вам, как вам лучше жить. И делали они это потому, что «любят вас». Вздор! Учителя всегда счи-

тали, что они во всём правы, и, подавая это под потоком красивых и складных речей, убеждали в этом детей. А в чём они правы? В чём?

Учителя только подчиняют себе детей, тем самым уча их только тому, как приспособиться к жизни в толпе. В школе все учителя разных характеров, и дети только учатся тому, как обращаться с людьми: кого стоит бояться и дать вытирать о себя ноги, а о кого можно и самому вытирать ноги. Дети становятся хитрее и ловчее – так вырастают эгоисты и подхалимы. И вот чему учит эта ваша школа! Ради оценок они готовы на всё, а это уже их первый шаг, первая ступень, к тому, как уже ради собственной выгоды они будут готовы делать всё, что нужно. Они вырастают, зная, что жить нужно только для собственной выгоды, и неважно, для чьих ног они станут тряпкой, ведь даже за эту *услугу* им потом заплатят.

Как же мне противны учителя! Хорошо, что я не подчинялся им! И они, конечно, в свою очередь возненавидели того, кто не слушает их. Нет, я вам не дамся! Пусть другие вам подчиняются, а я сам *сильный*, и подчиняться будут *мне*! Да, школа – это только с виду небольшое здание, а между тем в нём проходит вся жизнь. В ней-то я и понял, что мир – это огромная толпа людей, не более. И детей в школе учат только тому, как жить в этой толпе. В ней ещё юного, счастливого человека приспособливают к жизни разочарований, вечной оценки, осуждений, взглядов, жестов, манер... Всё, что бы ни происходило в нашей жизни, – это только вечное возвра-

щение к толпе. Ты не убежишь от неё... Но собираюсь ли я бежать от неё? Нет. Я *сам* подчиню себе толпу, ведь я *сильный*...»

Постепенно эти мысли снова стали превращаться в образы в голове Виктора. Он уже видел, как ненавистные ему учителя превращаются в хозяев детей, держа их за руки тонкими нитями и управляя ими. И тех, кто пытается выбраться, они без всякой жалости бьют кнутами и указками до тех пор, пока в ребёнке не умрёт их собственное «я».

Но постепенно и эти ужасные образы исчезли из головы Виктора. Но покоя ему так и не наступило.

Со временем исчезли учителя и школа, и вместо них в мыслях Виктора стало пустеть. Он уже видел кирпично-красную землю наравне с тёмно-синим небом. И на земле этой не было никого. Виктор видел сплошное пустое пространство.

И постепенно на этой пустынной земле стали появляться существа, отдалённо напоминавшие людей. Это были люди по телосложению, но не по внешнему виду. Не было у них лиц, а были только черепа, длинные и огромные. Рты их были открыты, но звуков они не издавали. Люди эти безмолвно просили о помощи. Их тела, длинные и костлявые, были бледно-жёлтого цвета. Глаза их были огромными чёрными дырами, отражающими пустоту их душ. И эти существа заполняли собой пространство пустынной кирпично-красной земли.

Существ становилось всё больше и больше, но не долго им предстояло жить. Вдруг с неба на пустую землю стали падать огромные здания, дома, офисы. Они падали и собою давили людей, отбирая у тех территорию. Из-под зданий только ручьями стекала кровь по асфальту в дорожную канализацию...

Постепенно кирпично-красная земля превратилась в Город. Город был пуст. В нём только летали призраки людей с искажёнными лицами и огромными ртами, безмолвно зовущих на помощь. В самых тёмных уголках Города ещё оставались люди, хитрые и мелкие, которые превращались в крыс и бежали за пределы Города. Выжившие люди, *сильные* люди, как считал Виктор, превращались в огромных монстров. Они пожирали друг друга, и тот, кто съедал больше, становился огромным в размерах. Руки их становились длиннее, а ладони – большими, чтобы ими они смогли захватить как можно больше. Во рту этих существ начинали отрастать огромные и страшные клыки, которыми они уже без труда поедали *слабых*. И *слабые* либо становились добычей *сильных*, либо превращались в крыс и убегали.

Небо над Городом становилось всё темнее и темнее, пока не стало совершенно чёрным. На дорогах Города уже не было видно асфальта – он скрывался за алыми ручьями человеческой крови. Лишь бледно-жёлтые фонари освещали собой этот мрак. По всему Городу раздавались еле слышимые звуковые волны стонов и плача людей. Эти волны туманом

покрывали Город, дома, офисы, магазины... И постепенно эта волна тихих стонов превратилась в один жалобный плач, который было отчётливо слышно... Кровь стекала в дорожную канализацию, а плач, исходивший извне, заставил Виктора открыть глаза.

Виктор открыл глаза, понимая, что плач – это не часть сна, а окружавшая его реальность. За стенами и дверью его комнаты плакали. И плакала одна женщина, а именно его мать.

«Почему мир так жесток и несправедлив? Почему кто-то должен страдать, а кто-то при этом спокойно и беззаботно живёт? – И мысль о *сильных* и *слабых* вновь посетила его. – Страдает только тот, кто *слаб*. *Сильные* же берут своё и борются за своё счастье».

Тихий плач матери снова отвлёк его, и страшные мысли о *сильных* и *слабых*, о тех, кто переступает и через кого переступают, отошли на задний план. Больше для него не существовало ничего, кроме страдающей матери. Свою мать Виктор не относил ни к *сильным*, ни к *слабым*. Мать для него была жертвой обстоятельств, которые он так ненавидел. Он считал, что обстоятельства – это огромная рука, держащая человека за шею. Человек или терпит её, или пытается сопротивляться ей. Но проблема в том, что при любом сопротивлении рука эта начинает душить всё сильнее и сильнее до тех пор, пока она не задушит до победного конца или пока сам человек не покончит с собой; но в том и другом случае человек сдаётся и даёт ей победить себя.

Виктор стоял и слушал плач матери, разделяя с ней одну, общую для них двоих, скорбь – скорбь по их отцу. Отец Виктора умер ещё в самом начале Чеченской войны, оставив после себя только память, несколько фотографий и, собственно, самого Виктора.

Потеря любимого человека огромной тенью боли легла на душу матери Виктора. С тех пор как он умер, алкоголь стал спутником её жизни, который помогал ей заглушить боль. Виктор никогда не осуждал мать за алкоголизм; он понимал, что алкоголизм – это болезнь. Он понимал, что болезнь эту никто вылечить не сможет, и единственным человеком, кто смог бы спасти её, являлась она сама. Но в стеклянных бутылках она не видела того, в кого превратилась. А превратилась она в старую на вид женщину, сутулую и отчуждённую от всего мира. И светлые волосы её теперь уже были растрёпаны и скрывали за собой искажённое от горя лицо. Глаза её, некогда прекрасные голубые глаза, стали теперь уже мёртвыми и пустыми, лишь изредка издавая выражение отчаяния и боли.

Эта несчастная женщина постоянно напивалась и постоянно чувствовала себя виноватой. Она считала себя виноватой в том, что отпустила любимого человека на войну. Также она чувствовала себя виноватой и перед Виктором за то, что он никогда не видел её в трезвом виде. Однако Виктор никогда не считал её виноватой в этих двух вещах – отец тогда должен был отправиться на войну, и никто бы не смог оста-

новить его, и алкоголизм матери Виктор не осуждал. Он же, наоборот, жалел её и чуть ли сам не плакал при виде её слёз.

«За что... Господи! За что ты забрал его?! – Тихо спрашивала она сквозь свои рыдания и слёзы. – На что вообще была эта война?! Зачем людям война?! Где... – и чуть отрывисто она кому-то неведомому задала вопрос, – где... был *ты*... когда он... когда он умирал?» – И новый поток слёз хлынул из её глаз.

«Неужели *ты* совсем не смотришь на нас? – Спрашивала она, глядя вверх. – Неужели *ты* не слышишь, как страдают люди? Как *ты* мог допустить человеческие войны?..

Неужели и *ты* не сможешь победить справедливости и миру? Почему *ты* допускаешь все те безумства, что творятся вокруг? Почему *ты* сам не являешься миру или не являешь того, кто будет способен остановить это?

Где же *ты*? Почему *ты* оставил людей? И почему *ты* не даёшь людям своих посланников?» – И последние вопросы её скрылись за вздохами и слезами, однако Виктор всё равно смог расслышать их.

Мать опустила на колени и сквозь слёзы начала молиться. И пока она молилась, последние вопросы её эхом звучали в голове Виктора. «Где же *ты*? Почему *ты* оставил людей?» – Звучало в его голове. И в эту минуту, минуту отчаяния матери и её молитв от безысходности, Виктор вдруг ощутил сильную ненависть к Богу.

«И неужели не видит *он* ни её, ни чужих страданий? –

Спрашивал неизвестно у кого про себя Виктор. – И сколько людей страдает в мире? И почему *он* позволяет им страдать? Почему *он* не помогает? Почему *он* вообще допускает эти страдания? А ведь весь мир держится на страданиях несчастных людей. И только счастливых мало...

Нет, больше не верю я *ему*. В *него* верю, но *ему* не верю. Не верю, что *он* с нами. *Он* давно ушёл и оставил нас. Жаль, что не все это понимают и продолжают просить у *него* помощи. *Он* не даст никакой помощи, потому что *он* ушёл. И ушёл потому, что сами люди перестали верить в *него*...»

После молитвы тихий плач матери прекратился. Виктор без звука приоткрыл дверь своей комнаты и увидел, что она заснула на своём диване. Он смотрел на неё и замечал, что следы слёз и страданий явно отпечатались на её бледном лице. Виктор тихонько вышел из комнаты, взял плед, лежавший на кресле, и укрыл им мать.

Сквозь сон она беспокойно произносила: «Зачем... война... Зачем война?... Зачем смерть... Зачем смерть забирает?. Смерть – сестра войны... Зачем смерть?... Зачем война?...»

Виктор отошёл от матери, лицо которой со временем опустило беспокойство. Через мгновение она крепко уснула, и Виктор ушёл к себе.

За окном стало немного светать, и при первых лучах восходящего солнца Виктор уснул. Но на этот раз уже без снов.

III. Мысль и деятельность

Уже днём, ближе к вечеру, Виктор открыл глаза. «Да, вот это ночка была», – сказал он себе, проснувшись, даже не понимая, что после этой самой ночи он проспал всё утро и почти весь день. Виктор встал с кровати и пошёл на кухню. Выйдя из своей комнаты, он встретил спящую мать на диван-кровати. Он тихо проскользнул мимо неё на кухню.

Открыв холодильник, Виктор понял, что есть ему ничего не хочется. Тогда он закрыл дверцу и также тихо отправился в свою комнату. Зайдя в комнату, он посмотрел в угол, где стояла гитара. Но сегодня ему не хотелось играть на ней, да и мать будить ему не хотелось. Потому он снова лёг на кровать и стал смотреть в потолок.

«Я хочу славы. Я страстно жажду славы. Я жажду любви миллионов людей, где каждый будет знать меня и приходить в восторг только от одного услышанного имени моего, – вдруг начал мечтать Виктор, глядя в этот бело-серый потолок, как будто кроме этого потолка у Виктора больше не было собеседника. – Я хочу, чтобы миллионы следовали за мной. Хочу, чтобы они делали то, что скажу я. Хочу *управлять* ими...»

Ради славы я готов пожертвовать чем угодно. Я даже готов умереть, но только если я умру ради того, чтобы навсегда обессмертить своё имя. Имя моё будет вечно, и люди веч-

но будут следовать моим убеждениям и цитировать мои слова... Я верю, что люди будут следовать моим убеждениям и мир будет спасён.

Да, я желаю славы, но разве в этом есть что-то плохое? Слава – это власть, сила и престиж. Толпа любящих тебя людей готова идти за тобой и разделять твои взгляды. Одно слово кумира – и тысячи людей верны этому слову. Десятки, сотни тысяч, а, может, даже и миллионы людей будут идти за тобой, верить тебе и любить тебя – вот мечта.

Я хочу славы, но не только для себя я желаю её. Хочу славы ради общественного блага, ведь только человек с громким именем способен убедить как можно больше людей. Я же буду убеждать людей в хороших вещах. Один я ничто, но с миллионом последователей я спасу мир...

Мир... Мир летит в неизвестность, пропасть и пустоту, а всё из-за злости, жестокости и агрессии людей. В мире живут миллионы людей, и каждый из них встречался с жестокостью. А сколько же людей встречалось с добром? Но не сами ли люди виноваты в том, что вокруг них царит зло? Ведь человек всегда предпочтёт пройти мимо, а не помочь. А безразличие – это самое огромное зло, которое способен совершить человек. Хуже безразличия нет ничего. Это безразличие и допускает проникнуть ненависти и жестокости в мир.

Жестокость появилась от самих людей. По каким-то непонятным причинам стало нормой быть жестоким, холодным, чёрствым. А ведь всё идёт от человеческого эгоизма. Жизнь

человеку кажется плохой, с ним самим обращаются плохо, и оттого он сам становится плохим. Только пару раз стоит поступить с человеком плохо – и в большинстве случаев человек этот станет таким же плохим. Почему они так поступают? А потому, что так легче и проще оправдать себя. Зло сидит в каждом человеке. И чем больше плохого совершается с человеком, тем хуже он становится.

Предположим, что душа человека находится не в каком-то определённом месте его тела, а во всём его теле. Пусть она будет невидимой оболочкой, находящейся под кожей человека. Оболочка эта состоит из эмоций человека. Эмоции человека бывают разными, но, в основном, прекрасные и ужасные. Прекрасные эмоции – это счастье, любовь, добро и так далее. Прекрасные эмоции находятся на самой оболочке человеческой души. И вот под этой самой оболочкой живут те самые ужасные эмоции. Они ужасны, потому что они убивают человека *внутри*. При любом физическом ранении из тела человека начнёт вытекать кровь. При любом же духовном ранении эти ужасные эмоции выходят наружу оболочки. Прекрасные эмоции являются охранниками ужасных. Ужасные же, выйдя на свободу, начинают свою войну с прекрасными. Но проблема в том, что ужасные эмоции намного сильнее прекрасных, потому что они берут своё начало из самых глубин человеческой души. Злость, в отличие от любви, знает все наши слабые места. И злость одержит победу над любовью. Например, мало кто сможет про-

стить и полюбить обидевшего его человека, но на то, чтобы злиться или даже отомстить, пойдёт большинство. Хуже всего то, что ужасные эмоции, освобождаясь из глубин заключения в душе человека, оставляют внутри пустоты. Злость, убивая любовь, оставляет в душе пустоту, так как на том месте уже никогда не будет любви.

Но как бы то ни было, я всё равно верю в *человечность* людей. Я думаю, что в них ещё живёт добро. Правильно ли я вообще сказал, что ужасные убивают прекрасных? Наверно, не совсем. Всё-таки, я думаю, добро сильно ранено и кажется мёртвым. Добро живо в душах людей, но почему люди не хотят его воскресить? Наверно, они просто не знают, как без использования жестокости выжить в жестоком мире. Но не сами ли люди создали этот жестокий мир?

Я же верю в то, что от жестокости можно избавиться. Я поведу за собой армию добра, которая спасёт людей....

Но я до сих пор не знаю, как стать известным. Кто способен стать лидером? В чём секрет успеха?

Наполеон... Как ему удалось заполучить славу и громкое имя на века? А ведь он не был последователем гуманных убеждений, но тем не менее как-то смог повести за собой тысячи людей... Его любили, его обожали... Он был сильной личностью, уверенной в своих убеждениях. Он верил в себя, и в него верили. А я?.. Верю ли в себя я? И будут ли верить мне?

Слава – это контракт, заключённый между одним и мил-

лионами. А любой контракт строится на доверии обеих сторон. Если нет доверия, то нет и дела. А каковы мои убеждения? И какова вероятность, что люди в них поверят? Людям проще поверить в разрушение мира, чем в его воскрешение. Да и к тому же, чтобы построить новое, надо сломать старое... И неужели людям постоянно надо рушить мир, чтобы в итоге создать его снова? Если так, то что тогда буду рушить я? Злость и ненависть невозможно разрушить до победного конца. Сколько ни борись с этим, они всё равно выживут в какой-нибудь мелкой душонке...

Но ведь возможно, я верю, что возможно создать новый, лучший мир, в котором будут добро, любовь и вера. Люди способны ещё верить в добро и любовь. Но вот только я не понимаю, почему они в это не верят? А всё потому, что в них самих уже давно нет этих чувств. Но, тем не менее, добро наравне со злом заложено в их душах. И я стану тем, кто воскресит в них этих чувства. И люди, перерождённые вновь для лучшей жизни, будут следовать за мной. И буду я кумиром, буду любимцем публики...

Сколько людей пойдёт за мной? И сколько последователей я хочу? Чем больше, тем лучше. Весь мир у своих ног хочу... Миру определённно нужен герой... Мир рушится, и миру нужен герой. Этим героем стану я...

Но кто способен стать героем и лидером? Лидер – это человек, который становится таким или уже рождается им? Что должно быть в человеке, чтобы это заставило других сле-

довать за ним? А должна быть в нём *сила*.

Люди делятся на два типа: *сильные* и *слабые*. *Слабые* – это простые люди, которые ничего не могут сделать и которые ни к чему не стремятся. *Сильные* – это акулы в море среди слабых рыбёшек. *Сильные* всегда идут к своей цели, невзирая на пути достижения этой цели. Им не важно, скольких они съели или скольким просто навредили. Они живут для самих себя, и это правильно. По сути каждый человек – хищник. Вопрос стоит лишь только в том, сможет ли он достичь своей цели, переступая через мелких и ничтожных людишек. Человек, в особенности *слабый* человек, ничего не стоит. Гуманизм – вздор! Жить надо для себя, и не важно, что происходит с какими-то там людишками! Кто силён, тот победит и выживет. Только *слабые* жалеют других. *Сильные* же идут к цели, несмотря ни на что.

Цель оправдывает средства – вот закон. Цель моя – заполучить славу и громким именем своим призвать людей к миру. Слава нужна мне только ради общественного блага. Но путь к славе сложен. Прежде всего, мне нужны деньги, чтобы *значимые фигуры* захотели работать со мной. Иметь много денег – вот моё средство для достижения цели. И *она* – препятствие, которое мешает мне заполучить это средство. Её жизнь стоит ровно ничего, да и к тому же ей всё равно пора уходить из этого мира... А мир рушится сейчас, и судьба его зависит от меня. Я – *сильный*, я – акула, а потому я должен съесть эту рыбёшку, чтобы достичь своей цели...»

Последняя мысль его бледностью выразилась на лице. Даже несколько капелек пота появилось на его лбу. Ему вдруг стало страшно, что он даже немного приподнялся с кровати. Но вскоре это волнение прошло, он снова лёг на кровать и стал размышлять.

«Лидер – это человек, обладающий харизмой или умом? Что сильнее: его личные качества или убеждения? Люди идут за тем, кто им просто нравится, или за тем, чьи убеждения более верны?»

А бывают ли неверные убеждения вообще? Ведь каждое убеждение всегда подкреплено обоснованными умозаключениями. Но каковы мои убеждения? Верны ли они? Будет ли правильно, если мир будет переделан? А можно ли вообще переделать этот мир?

Из веков в века люди всегда были подчинены одной страшной силе – принципам. Принципы – вот в чём проблема. Люди находятся во власти того, что придумали сами и чего вообще не существует. Что такое принцип? Жить как все, делать то, что скажут, быть любезным и фальшивым, любить деньги – вот принципы, которые нужно уничтожить. Но проблема в том, что их уничтожить нельзя. Люди – это масса, толпа, стадо, которое всегда будет повторять друг за другом. Люди всегда будут делать то, что велено, потому что люди, какими бы сильными они ни казались, всегда подчинены и хотят быть подчинёнными. Люди – неуправляемая масса, которой нужен правитель, вождь, лидер. Им легко внушить

одно и заставить чему-либо следовать, потому что в природе их уже заложен стадный инстинкт – если чему-то следует один, то через время этому следовать будут все.

Скрывать себя за холодными глазами и безразличным лицом – тоже принцип, гадкий и ужасный. Люди считают чувства слабостью. Я же считаю, что *только сильный человек способен показать свои чувства*. Чувства – это сила, на которой основаны все взаимоотношения людей. Возьмём те же взаимоотношения между лидером и его последователями – они основаны на любви и безумного обожания к одному. Как удивительно! Они способны любить одного, всего лишь одного человека, и лютой ненавистью относятся к другим, обычным людям. И что же заставляет их всех массово любить или ненавидеть одного? Снова принцип – если тебя полюбят кто-то один, то со временем в геометрической прогрессии тебя полюбят многие...

Но они даже и лидера своего не любят. Нет. В лидере своём они любят только его мысли, которые схожи с их мыслями, и обещания лучшей жизни, которые им дают. Прежде всего, они любят только самих себя и в своём кумире видят или хотят видеть собственное отражение. Но, помимо любви к себе, их сердца занимает кое-что ещё. Они любят *шоу* и яркие огни. Они не могут жить без шоу. Им жизненно необходимы шоу, потому что шоу – это яркое зрелище, существенно отличающееся от их серой жизни. Что ж, я дам им шоу, коли они этого хотят... Обещания лучшей жизни и шоу –

вот, что нужно дать людям, чтобы заполнить их любовь.

Но и шоу – это фальшь, на которую сбегаются все люди из фальшивых дней своей жизни. Люди фальшивы, им нужна фальшь, потому что и это является одним из принципов их жизни. Людям всегда нужно лгать, обманывать и лукавить. Но почему? Ответ вполне прост: они скрывают себя за яркой и красивой фальшью, чтобы не показывать друг другу, насколько ужасны их чувства и мысли. Ненависть, злость, зависть, гнев, эгоизм – вот весь набор их чувств, с которыми они стоят ровно ничего...

Цена... Вот ещё один принцип! Люди привыкли давать всему цену и покупать что-либо. Наверно, уже давно и на весь мир они налепили ценник! Вот только интересно: кто смог купить наш мир?

Есть много версий о том, кем куплен мир. И все они до единой ошибочны, потому что мир нельзя купить! Миром нужно обладать. Власть лежит в людях. Обладай сознанием людей – и ты будешь обладать всем миром; мир будет в твоих руках, и люди сами тебе на блюдечке будут приносить всё: почёт, власть над ними, деньги... Да, люди, одержимые чем-либо, всегда готовы вложить в это все свои деньги.

Деньги... Деньги... Деньги... Какое короткое слово, и как заманчиво оно звучит!

Люди – рабы денег. Без денег они вообще не способны представить свою жизнь. Деньги – это опасная игра. Люди только играют в деньги. Люди борются не за деньги, а толь-

ко за возможность приобрести на эти деньги то, что они хотят. В этом и есть вся ловушка денег. Люди хотят квартиры, машины и «жить хорошо». Да только за всё это надо платить. Люди оценивают всё в деньгах, вешают на всё ценники – вот проблема. Это зашло так далеко, что сейчас уже давно не ново такое явление, как *купить человека*. Сейчас можно купить рабочие руки, ум, любовь или любые другие чувства. Пока ты платишь, тебе будут верны. Но как только ты перестанешь платить, вся эта верность исчезнет, как исчезает утренний туман.

Весь мир крутится вокруг денег. Люди считают, что всё в этом мире можно купить, да только они понятия не имеют, что на самом-то деле всё в этом мире не имеет никакой цены! Цена – это принцип. Платить за всё – это привычка.

Жизнь вообще по сути своей тоже является привычкой. Люди привыкли, что им надо жить, как живут все. Люди привыкли, что им надо всё покупать и страдать из-за того, если они не могут что-либо купить. И это всё вредные привычки, которые нужно просто уничтожить. Но можно ли уничтожить то, что с рождения заложено в людях, но только заложено не природой, а «воспитанием» от других людей?

Как странно... Как быстро люди уничтожают в себе добро, любовь, щедрость, радость и как быстро они развивают в себе злость, ненависть, безразличие и стадный принцип! Люди сами себя уничтожают – и хуже этого уже нет ничего. Люди у самих себя крадут краски жизни... Так было, и так

будет всегда!»

Виктор смотрел в потолок, который казался серым от недостаточного освещения. Потолок молчал, и мысли Виктора тоже молчали. Молчаливый потолок надоел Виктору, он перевернулся со спины на бок и посмотрел в стену. Разговаривать со стенами Виктор не любил из-за тех обоев, которые они носили на себе и которые так ненавидел Виктор. Однако сейчас эти обои не показались Виктору ужасными. Он, наоборот, посмотрел на них и продолжал смотреть, про себя высказывая мысли, которые должна была услышать стена.

«Каким я вижу будущий мир? Мне вообще кажется, что мира как такового уже не существует. Люди не живут, а выживают, а разве так можно? Сколько веков существует человечество и сколько веков оно борется за создание «идеального» мира? Сколько веков велась борьба с рабством и почему это рабство до сих пор не свергли? Ответ лежит в самом человеке. Человек – раб самого себя, раб своих слабостей и раб самоконтроля. Люди сами себя сдерживают, ограничивают в чувствах, отчего и страдают. Над человеком никогда не стоял властелин более жестокий, чем он сам.

То, во что превратился мир, уже миром назвать нельзя. Люди уже давно не люди, потому что они утратили свою человечность, которую, я верю, ещё можно отыскать в глубинах их душ. Но проблема нашего века – это страшный индивидуализм. Я с грустью смотрю на нынешнее поколение, где

каждый считает себя индивидуальностью и пытается выделиться из толпы. И это новый, только-только зарождающийся принцип, который будет иметь за собой страшные последствия. Люди, обыкновенные люди, никогда не станут индивидуальностями и личностями, потому что личностью может стать только тот, кто не боится быть собой. Люди же, как огня, боятся быть собой. Они только создают видимость того, что они необыкновенны, а по сути своей – они просто пустые места. Необыкновенность идёт из головы, из мыслей и убеждений, а не из внешнего вида и попыток казаться не такими, как все.

И все эти «индивидуальности» никогда не примут действительно необыкновенного человека. Люди никогда не хотели принимать тех, кто не похож на них. А ведь именно в тех, кто отличается от них, и есть их спасение. Сколько гениев было не признано в своё время и сколько сожалений об этом было потом! Люди всегда так внимательны к себе и так невнимательны к другим!

Спасение людей – это те, кто отличается от них. Мир способен спасти или хотя бы на некоторое время остановить его разрушение только те, кто не подчинён всемогущей власти их принципов. Принципы были и будут всегда, но они не способны властвовать над всеми. Один из их принципов – ложь, и противовес ему – правда. Правда – вот спасение мира. И я буду тем, кто покажет миру эту правду. Вопрос стоит лишь в том, способны ли люди принять эту правду? Люди

всегда боятся страшного лица правды, а потому не принимают её и блокируют на всех уровнях. Но приняв правду и осознав свои ошибки, человек исправится, а значит, исправится и мир.

Мир – это люди, живущие в нём. И мир станет «идеальным» только тогда, когда сами люди станут «идеальными». Да вот только идеалов не существует, а потому и мир никогда не станет идеальным. В мире всегда будет какая-нибудь мелочь, портящая его. Но порой именно эта мелочь бывает лучше всего на свете. Мелочь эта – необыкновенный человек. Злодей или герой, он всегда сможет громким словом своим подчинить, разрушить и построить новый, лучший мир.

А необыкновенный ли я человек? Безусловно. Я подчиню этот мир себе, потому что я *сильный*. Я подчиню себе всех *слабых*. И на самом деле мне всё равно, будет ли спасён мир. Всё, что я хочу, – это слава и громкое бессмертное имя...»

Стена, на которую смотрел Виктор, всё также молчала. Вся комната молчала, и никто не разговаривал с Виктором. Никто не соглашался с ним или не противоречил ему. Тогда Виктор закрыл глаза, чтобы отвлечься от всех этих молчаливых собеседников. На секунду он вдруг задумался об Августине, своём друге. Внезапно он вспомнил их первую встречу. Познакомились они в начале мая, ещё совсем недавно. Но из-за одной любви к искусству и размышлениям, они стали близкими друзьями сразу. Хотя обычно их разговоры строились только на одних размышлениях Виктора, ибо Ав-

густин постоянно молчал. Но, тем не менее, Виктор любил этого молчаливого собеседника. Он любил говорить и любил, когда его слушали. Августин же в этом плане был самым лучшим. Конечно, у Виктора была девушка. Но с ней он не делился своими мыслями. Он считал, что ей не понять его, а потому он был очень рад, когда вместо неё открыл для себя действительно понимающего слушателя, как Августин. Августин не просто слушал, а действительно понимал его. Иногда он и противоречил ему. Но так он заставлял Виктора задумываться о том, прав он или нет. И хотя Виктор прислушивался, но в основном он всегда оставался верен своим убеждениям. Гуманизм и любовь к людям, которые были у Августина, не передавались его очень критическим осуждениям общества. После разговоров с Августином он никогда не мог понять, полюбил ли он людей. Но в итоге он всё-таки понимал, что не полюбил, потому что любовь – это ещё и умение принять человека таким, какой он есть. Принять же людей такими, какие они есть, Виктор не мог.

Внезапно Виктор вспомнил подвал Августина, который величественно назывался «мастерской». После он предался воспоминаниям об их первой встрече, и небольшая улыбка осветила его лицо, и он стал расплываться в тех событиях...

...В Город пришёл май. Ярким солнцем раскинулся он, последний месяц весны. Ещё в апреле здесь всё вновь ожило и теперь продолжало жить дальше, пока есть время, пока ушла холодная зима. Жило всё: деревья, цветы, люди...

Май – замечательное оживление природы, а потому можно было пойти гулять в парк. Так и сделал Виктор. Хоть на улице стояла жара и пекло солнце, он был одет во всё черное. Это был его повседневный стиль. Он любил чёрный, этот загадочный цвет, который либо притягивает человека, либо отталкивает его. Его длинные тёмно-русые волосы падали на его плечи, в наушниках играла тяжёлая музыка, красивые голубые глаза наслаждались красотой этого мира и рот расплывался в счастливой улыбке. Но ноги уже устали идти по этим кажущимся вечными тропинкам парка, он захотел отдохнуть, и его тело приземлилось на ближайшую скамейку. Сегодня у него был выходной, замечательный день, чтобы побыть подальше от всего мира. Он сел на скамейку, тень деревьев укрыла его от палящего солнца, и он с облегчением выдохнул.

Виктор сидел на скамейке, как вдруг заметил, что на противоположной лавочке его внимательно осматривает какой-то тип. Он казался очень странным, может, даже несколько сумасшедшим. Тип этот был похож на бродягу или бездомного. На нём были грязные светло-голубые джинсы и какая-то грязная футболка. На его плече висела небольшая сумка, с какими обычно ходят бродяги, а на коленях лежали старые газеты. Но не внешний вид пугал Виктора, а пугали его глаза, точнее, их выражение. Это были обычные светло-зелёные глаза, но они смотрели так, словно жгли. Они смотрели, они пытались проникнуть до глубин его души, они

уже знали о нём всё, хотя эти двое никогда не были знакомы. По-дьявольски страшная улыбка чуть-чуть кривила его рот. Этот человек уже изучил Виктора.

Но со временем Виктор начинал чувствовать, что может доверять этому человеку и что тот ничего плохого ему не сделает. Тогда Виктор встал со скамейки и подошёл к нему. Лучи солнца играли со светлыми волосами бродяги. Глаза выглядели добрыми, приветливыми, и, как казалось Виктору, даже сияли. Виктор сел и сказал:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – Ответил бродяга.

– Как вас зовут? Что вы рисуете?

– Августин, художник. Рисую всегда людей. Люди, люди, люди – вот моё вдохновение. Человек прекрасен. Но только человек грешить любит...

– Августин, а почему вы рисуете на газетах? – Спросил Виктор, заметив, что на старых газетах бродяга водит кистями и красками, которые и находились в его сумке.

– Нет у меня бумаги. Нет. Холстов нет. Ничего нет. Только кисти две есть да несколько баночек краски.

– Вы живёте на улице?

– Да.

– Но как вы живёте? Где же вы спите? Что вы едите?

– Еда, кров... Ерунда! Только земные блага, только земные блага... Мне же ничего не надо, кроме того чтобы творить. Дайте мне творить, и этого мне будет достаточно.

И Виктор стал внимательнее смотреть в куски газет, лежавшие около бродяги. На листе, исписанном печатными буквами, кистями бродяги были нарисованы люди. И это поражало Виктора. На листах он будто увидел всю жизнь. Там были и бездомные, и более богатые люди. Там Виктор видел какую-то ночлежку, баки с огнём, людей в грязной одежде и добрыми лицами. Там он видел некоторые здания Города. Казалось, эти картины бродяги изображали собой жизнь Города намного лучше, чем печатные буквы в газете. Виктор заглядывал в эти рисунки, еле узнавая Город, но всё же понимая, что на листах нарисованы знакомые переулки, улицы и дворы. Виктор смотрел на эти «картины», и они затягивали его в другой, особый мир. В этих ярко-раскрашенных переулках, изображённых на печатной бумаге, мыслью и даже душою бродил Виктор. Дома и здания отражали собой лучи солнца, а небо густой голубой краской совсем легко падало на Виктора. Картины были необычны, яркие и красочны, но между тем эти розовые, жёлтые и сияющие здания выглядели реально. Люди, бродившие по таким улицам Города, уже не были ненавистны Виктору, а, наоборот, передавали ему то сочувствие, которое испытывает к ним Августин. Но путешествие по другой стороне Города закончилось, ведь листов на лавочке лежало мало. С непонятным чувством восторга Виктор положил эти загадочные рисунки рядом с их создателем, пришёл в себя и спросил:

– Августин, а вы давно живёте на улице?

– Года два, а может, и три. Не помню точно. Когда-то у меня была квартира, но снимать её потом стало дорого. Да и сам я понял, что деньги мне не нужны.

– И неужели вы добровольно стали жить на улице?

– Да. Мир – вот мой дом. Тут моё место. Не хочу запира-ться. Хочу жить здесь, смотреть на людей и писать их портре-ты. В людях на самом деле больше красоты, чем они думают.

– А мой портрет нарисуете?

– Конечно, если вы попросите. Для меня это будет боль-шая честь.

– Но только у меня есть одно условие: рисовать вы будете у меня дома и на моей бумаге.

– А у вас есть бумага? Чистая?

– Да. Много прекрасных белых и пустых листов, которые ждут заполнения.

Бродяга несколько задумался. Но после многочисленных уговоров Виктора согласился...

Затем Виктор стал вспоминать, как тот пришёл к нему до-мой. Виктор вспоминал, как тогда творил Августин. прекра-сен был сам процесс. Глаза Августина горели и блестели...

... – Я заметил дома у вас много красок и прочих приспособлений. Вы тоже художник? – Вдруг вспомнился Виктору вопрос Августина из их тогдашнего разговора.

– Я не художник. Так, просто иногда рисую. Но на са-мом же деле всё выходит ужасно. А вот вы рисуете хорошо. Как давно вы стали художником?

– Ещё с детства. Знаете, я так люблю рисовать. Я очень сильно люблю рисовать. А вы сильно любите рисовать?

– Не знаю.

– А я люблю. Люблю рисовать и совершенствоваться. Меня постоянно мучают мысли о великих художниках. Я хочу стать таким же великим, какими были они. Но мне явно не стать таким...

– Это почему же?

– Потому что дара у меня нет. Любовь только есть, и всё. Да кроме любви одной ещё и способности нужны...

Виктор вспомнил этот разговор, а после воспоминания нахлынули дальше. Он вспомнил, как решился помочь ему. Он вспомнил, как нашёл для него подвал, которым владеет одна старая знакомая его бабушки. Он вспомнил, как Августин сначала противился, но в итоге всё-таки согласился жить в подвале, а не на улице.

«Интересно, а как он оказался на улице?» – Вдруг спросил про себя Виктор. Дело в том, что Августин никогда не рассказывал ему о себе. И этот факт Виктор понял только сейчас. Виктор вспоминал, что за весь этот май и несколько дней июня – время, за которое эти оба успели сдружиться, Августин никогда не рассказывал о себе. Конечно, история Августина давно интересовала Виктора, однако не мог же он насильно заставить того рассказывать о себе. Виктор считал, что тот сам расскажет о себе, когда захочет, а потому не настаивал и просто ждал этого момента. Дело

как раз было в том, что Августин был необычным человеком. Может, даже больным. А на таких людей давить нельзя. Людям этим свобода нужна.

За окном тем временем начинало темнеть. Огромная тень повисла над комнатой Виктора. «Тьма... Августин почему-то любит тьму... – Подумал Виктор. – Августин не пользуется электрическим светом, а по ночам не спит... Я точно знаю, что он по ночам не спит, ведь он сам как-то сказал это. И сейчас темнеет... Августин, наверно, уже начал что-то творить... Интересно, что же он творит? И творит ли вообще? Эх, даже жалко его! Он что-то творит и творит, а результатов-то никаких! И, конечно, результатов не будет, ведь он отказывается показывать всем свои работы. Но хорошо, что через связи мне удалось пробить ему место на выставке в школе искусств. Комиссии обязательно должны понравиться его работы. Потом он поедет на другие выставки, может, станет знаменитым... Однако меня пугает его поведение. Ему нужен психиатр. Он явно сходит с ума. Надеюсь, со временем он вылечится и станет *нормальным* человеком!...»

Та же огромная тень, что повисла над комнатой Виктора, явилась и домой к Августину...

В небольшой комнате старого подвала, который Августин

снимал у старой хозяйки дома, было темно. Однако темнота эта не мешала Августину творить. Всё-таки он пользовался небольшой грушевидной лампочкой, под светом которой он что-то рисовал...

Молодой человек двадцати четырёх лет стоял у холста. Свои отросшие светлые волосы он руками приглаживал назад, чтобы те не мешали ему работать. Под волосами его скрывалось не самое симпатичное, но всё равно красивое лицо. Это лицо было немного удлинённым и с высоким лбом. Скул на его лице не было, а были только впалые щёки из-за того, что он был слишком худым. Но ярче всех выражались зелёные глаза, которые казались огромными из-за того, что его лицо было исхудалым. Глаза казались ещё и немного выпученными, однако они не пугали. Глаза эти непонятной силой манили к себе. Точнее, манило их выражение. Как же удивительны были его глаза! Эти зелёные глаза собою словно выражали бесконечность. Глаза его сверкали подобно бриллиантам. Глаза его были выразительны, прекрасны и загадочны. Глаза всегда сверкали, когда он творил. И сейчас его глаза отражали блеск его души, который, казалось, и освещал собой всю комнату. Он творил, и никто не мог помешать ему, даже приближающаяся тьма...

За окном темнело. Однако в подвале по каким-то неведомым силам всё равно было светло. Только огромная чёрная тень повисла на потолке комнаты, возле окна. Сам же Августин стоял в центре комнаты, и тень, доходившая туда, оста-

навливалась и дальше проникать не смела.

Августин рисовал свою последнюю работу для выставки. Дело в том, что завтра назначена выставка для художников в городской школе искусств. И Виктор по своим связям договорился о месте для Августина. Августину выпал шанс проявить себя. Дело в том, что на выставку придут значимые эксперты. Те работы, которые они выберут, отправятся на выставку в Москву. Поначалу Августин отказывался показывать свои работы, однако сейчас ему почему-то захотелось проявить себя. И он был взволнован. Он верил, что его возьмут, он понимал, что они не могут не взять его. Саму серию картин он отнёс ещё несколько дней назад. Но вот только сегодня ему сообщили, что комиссия требует принести и новую, свежую работу. И Августин трудился, создавая эту самую работу.

Он стоял у холста, и глаза его блестели. Его глаза всегда горели от уверенности, которую ему приносило создание картин. Когда он творил, он был отделён от всего мира – он находился в мире собственных иллюзий и фантазий. Он в это время как будто жил в собственных картинах. Он творил и был полностью и целиком поглощён в свои произведения.

Постоянный страх, до этого беспрестанно преследовавший его, в такие моменты отступал. Августин творил, и никто не смел ему мешать, даже страх, ведь он создавал шедевры, а в таком деле бояться нельзя. Когда он творил, то он

понимал, кем он является. Хотя он и боялся признать это, он всё равно чувствовал, что он тот, кто он есть, и другого жизненного пути ему не дано. Он – гений. У него есть дар, от которого нельзя ни спрятаться, ни убежать. Дар его всегда какой-то таинственной силой будет манить к себе. И когда Августин творил, он чувствовал, как этот дар пытается вырваться наружу и хочет раскрыться.

Августин вспоминал те картины, которые он отнёс несколько дней назад. Картины были о его жизни на улице. На холстах, которые ему принёс Виктор, он нарисовал своё уже прошлое, но подсознательно настоящее. Он нарисовал жизнь. Он рисовал всё, что ранее видел на улице. Он рисовал здания Города и его жителей. Большой же упор был сделан на бродячих и бездомных жителей Города. Августин нарисовал гаражи или заброшенные дома, где жили те, которых не замечали. Августину почему-то нравилась та жизнь, когда у него ничего не было. Рисуя те картины, он скучал по той жизни. Он любил свою бродячую жизнь. Он любил быть на улице и смотреть на людей. Он вообще любил человека и считал человека прекрасным сотворением гениального художника. Однако Виктор эту любовь к людям не разделял, а потому Августин не показал ему работы, которые отправил на выставку. И как бы ни был Августин благодарен Виктору, показать свои картины он ему не мог. «Но картины уже отправлены на выставку, и нечего о них думать. Сегодня у меня новая картина!» – Сказал про себя Августин.

Сегодня он рисовал нечто другое. Он почему-то решил отказаться от тех ярких картин, которые создавал, живя на улице. Он не рисовал розово-жёлтые дома, синие переулки, яркое голубое небо, т.е. то, каким он видел Город. Сегодня он нарисовал то, как человек во тьме нашёл *свет*. На холсте он прорисовывал последние штрихи, но и без них было понятно, что он создал. Он нарисовал (как ему казалось) удивительно вдохновляющую картину. В правом верхнем углу картины он нарисовал несколько лучей света. На этот свет пришёл человек. На самой картине человек стоял спиной к смотрящему, а потому не было видно его лица. Человеку Августин нарисовал длинные рыжие волосы (по чему нельзя было судить, что на картине девушка или парень). Августин только прорисовал красивую спину человека, на которой ярко выражались лопатки из-за того, что человек тянет руки к этому свету. Из протянутых рук человек выпускал большую белую птицу, которая летела к этому свету. Остальные же участки холста Августин раскрасил в чёрный свет. Но и то, как он прорисовал тьму, было гениально. Это не был сплошной чёрный цвет, а это было смешение всех теней, которые окружали человека. При внимательном рассмотрении там можно было даже заметить и серый, и фиолетовый, и синий, и даже оранжевый цвета. Августин, как ни странно, прорисовал тьму из множества ярких цветов. Сначала он раскрасил фон во все яркие цвета, кроме белого, а потом стал закрашивать их чёрным и серым. В итоге получилось, что

тьма поглотила собой весь спектр, на который распадается свет при преломлении.

Наконец Августин закончил работу. Он дорисовал последние тени на теле человека, посмотрел на картину, решил, что работа закончена, и отправился спать. Ночь уже давно наступила, хотя Августин совершенно не заметил, как она пришла. Усталый, он лёг на раскладушку. Обычно он не мог уснуть в темноте, но сегодня он это сделал. Пришедшая тьма этой ночи больше не пугала его. Он лёг спать с верой в то, что завтра его картины выберут и он отправится в Москву, где наконец-то почувствует дух искусства и свободу творчества для себя. Он закрыл глаза, и тёплое Солнце улыбнулось в его мечтах. Наконец он просто уснул. Августин проваливался в сон. И он провалился во тьму...

Глава 2. Сны Августина

Первый сон Августина

Сквр... Тихий и приглушённый скрип двери разнёсся в огромном, пустом и тёмном пространстве.

(При этом и сам Августин чувствовал, как будто он приоткрыл какую-то дверь и оказался в другом измерении).

Это было такое огромное пространство, что оно казалось бесконечным. И в пространстве этом не было света, а была только тьма. Было темно и пусто... пусто и темно...

(Августин всё более закутывался в одеяло. Он боялся этого другого измерения, в которое он попал).

Здесь было очень пусто. Не было никого. Не было ничего. Была только одна тьма и с огромной силой шумевший ветер. Шшш... Шшш... Шшш...

Шшш... Шшш... пытался успокаивать ветер. Шшш...

(Августин чувствовал этот ветер. Ему было холодно. Но Августин не видел себя здесь. Он только чувствовал, как находится здесь. А пустота, кажущаяся бесконечной, чем-то давила на его сознание. В его душе было темно и страшно... страшно и темно... Шшш... Шшш... Шшш...)

Бесконечное пространство было пустым, тёмным и мёртвым. Здесь не было никакой жизни. Казалось, что здесь дав-

но никто не живёт. Казалось, что и жизни здесь никогда не было. Во тьме полностью отсутствовала жизнь. Пустоты тьмы общались только с ветром.

(Но Августину не было холодно от этого ветра, а укутывался он в одеяло только от страха. Ему не хотелось, чтобы эта тьма настигла его. Он хотел бежать, он хотел проснуться, но ветер его не отпускал).

Отсутствие жизни... Нет никого... Только одна тьма...

(Августин чувствовал, как по воздуху перемещается в этой тьме, но всё равно остаётся невидимым гостем. Пустота и отсутствие жизни вызывали в нём чувство грусти, но не чувство одиночества. Хоть он и был один в этом пространстве, но он всё равно ощущал ещё чьё-то присутствие).

Вдруг во тьме сверкнула искра. Сначала можно было подумать, что это только показалось. Но потом небольшая искра сверкнула ещё раз и снова потухла...

Тьма... Через некоторое время маленькая искорка зажглась снова. Потом этот небольшой пучок света снова погас...

(Августин в лице невидимого гостя наблюдал за этой искоркой. И каждый раз, когда она пыталась зажечься, он ощущал тепло внутри себя, отчего он покрывался небольшим румянцем и даже немного смущался).

Искорка пыталась зажечься. Она слабо сверкала небольшим лучиком света, после чего моментально гасла. Сверкала и гасла... Сверкала и гасла...

Сначала она зажигалась на короткое время, а потом моментально гасла и без сверкания на долгое время оставалась погружённой во тьме. Но постепенно перерывы между зажиганиями становились короче, а сама искра зажигалась на более долгое время.

Наконец искре удалось даже зажечься на несколько минут. Несколько лучиков прекрасного белого света отгоняли тьму от себя. И тьма не сопротивлялась этой искре. Наоборот, даже казалось, будто ветер кружит вокруг этой маленькой искры, оберегая её.

Но тут искра вновь погасла. Прошло много времени. Она так и не зажглась снова.

(Августин при этом ощущал грусть. Ему так не хотелось, чтобы искра *погасла навсегда*).

Тьма... Порывы ветра... Пустое бесконечное пространство... Шшш... Шшш... Шшш...

Второй сон Августина

Шшш... Свистел ветер во тьме. Кругом было темно, и не было ни единого кусочка света.

(Августин, невидимый гость, стоял невядалеке от того места, где совсем недавно пыталась зажечься искорка света. Он с надеждой в сердце стоял и про себя просил, чтобы она зажглась снова).

Вдруг произошло что-то наподобие взрыва. На мгновение во тьме, во всём её бесконечном пространстве, пролился свет. Он на мгновение осветил всю тьму полностью, а потом снова погас.

(Августин не знал, что произошло. Он своей невидимой рукой закрылся от этого яркого света. А когда свет потух, то Августин убрал руку и увидел, что...)

На месте же яркой вспышки находился небольшой шар, от которого исходил бело-розовый свет. Внутри этого шара была *жизнь*.

(Осторожными шажками Августин подошёл к этому загадочному шару, издававшему свечение. То, что было внутри шара, являлось кем-то прекрасным. Августин только стоял и, как замороженный, смотрел на существо, рождённое во тьме).

Маленькое существо уже красно-розовым светом освещало пустоту внутри шара. Этим существом был небольшой

эмбрион.

Со временем эмбрион начал расти и развиваться. Он становился всё больше и больше. Он выпрямлялся. И, наконец, превратился в *человека*.

Это действительно был *человек*. Сквозь стены шара просвечивала его фигура. Просвечивали его ноги, руки, тело... Он был там. И он был *жив*.

(Это был *человек*. Августин сквозь полупрозрачные стенки шара видел его фигуру. Он видел его ноги, туловище, руки. Также, смотря на *человека*, Августин ощущал, будто и он сам внутри этого шара).

Человек, находящийся в шаре, пытался выбраться оттуда. Он бил по его стенам, но всё было бесполезно. Он никак не мог выбраться оттуда.

(Августин ощущал всё то же самое, что ощущал и *человек* в шаре. Августин так же, как и он, ощущал, что не свободен. И он, как тот *человек*, хотел выбраться наружу).

В итоге силы оставили его и он сдался.

(Силы в это время оставляли и Августина. Он, подобно тому *человеку* из шара, ощущал, как задыхается и умирает).

Свет, исходящий от тела *человека*, начинал гаснуть... *Человек* умирал в этой оболочке шара... Свет гас... Наступала тьма...

Третий сон Августина

Бесконечная тьма, пустота и ветер... Шшш... Шшш... Шшш...

(Ветер этот окутывал Августина, как будто придерживая от падения. Но Августин уже терял силы. И ему казалось, что он вот-вот закроет свои глаза *навсегда*).

Ветер в своих руках держал шар, стараясь не дать тому упасть вниз. Внутри самого же шара, казалось, без признаков жизни лежал *человек*.

(Невидимый гость в этом загадочном измерении, в которое ещё никто и никогда не допускался, начинал умирать. При этом Августин, лежавший на раскладушке, уже начинал покрываться потом. Холодные капли сползали с его лба, а сам он беззвучно стонал).

Но вдруг вдалеке показалась огромная длинная нежно-розовая лента, которая надвигалась на шар. За ней следовало ещё двое.

(Умиравший невидимый гость с проблеском надежды в глазах смотрел на эти ленты).

Эти ленты окружили шар, обхватили его собой и сломали. Тысячи осколков полетели вниз, и *человек* тоже полетел вниз. Но ленты не дали ему пасть – они подхватили его.

Словно гимнаст, *человек* крутился и парил в этих лентах. Он мог упасть в любое время, но ленты не позволяли ему

этого сделать. Они не отпускали его.

(При этом спавший Августин *на себе* ощущал всю ту боль, которую приносили эти ленты *человеку*. Они крутили им, выворачивали ему руки, чуть ли не ломали кости. И Августину было очень больно).

Ленты вертели им, они управляли им. Они делали ему больно, потому что этой болью они пытались разбудить в нём жизнь. *Человек* мёртвым телом только вертелся в них, но не приходил в себя. Свет его жизни гас. И с погашением его света ленты начинали разрываться...

(Августин и *на себе* чувствовал, как разрываются эти ленты. Он чувствовал, как они сходят с его ног и рук...)

В итоге ленты разорвались и упали в пропасть тьмы, а *человек* начал падать вниз... Он падал вниз, и тьма поглощала его...

Глава 3. Лёгкое прикосновение тьмы

«Хх!» – Сделал тревожный выдох Августин и проснулся посреди такой же тьмы своего подвала. Он посмотрел на небольшие дешёвые часы, стоявшие на стуле около его раскладушки. Они показывали пять утра. Ему было ещё рано вставать и выходить, но засыпать снова ему не хотелось, поэтому он просто лежал, задавая себе один и тот же вопрос: «Почему сны не изменились?»

Дело в том, что эти сны всю жизнь мучили Августина. Сначала ему снилась та самая тьма. И в детстве Августин думал, что ему ничего не снится, но между тем, просыпаясь, он всё-таки сознательно понимал, что сон ему снился, только сон этот был странным, тёмным. Со временем сон стал продолжаться, в нём появлялись новые детали, пока наконец сон не дошёл до той стадии, которая и разбудила его этим ранним утром. Сегодня у Августина был ответственный день, и, ложась спать, он почему-то был уверен, что сон не окончен и что сегодня он должен продолжиться. Но ему снова приснилось падение *человека* во тьму, которое очень пугало его. Само падение начало сниться ему недавно, с тех пор как он стал жить в этом подвале. Но те несколько ночей, что ему снилось это падение, стали уже невыносимы Августину. Та-

кой конец сна вызывал в нём тревогу. Возможно, у сна и есть продолжение, но падение было так страшно для Августина, что из-за страха он просыпался, не находя в себе смелости посмотреть сон дальше. «И сегодня мне не хватило смелости, – говорил он про себя. – И сон этот всегда теперь будет мучить меня, если я не найду в себе силы, чтобы просмотреть его до конца...»

Заведённый будильник прозвенел и вывел его из состояния задумчивости. Тогда он встал, надел приготовленный костюм, взял новую картину и вышел из подвала.

Выйдя из подвала, Августин посмотрел на небо, и оно поразило его. Откуда-то издали в Город надвигалась огромная тёмно-серая туча, заполонившая собой всё небо. Солнце скрылось за тучей, и в Городе было серо. Августин при виде неба ощутил неприятное предчувствие. Он чувствовал, что скоро в Город придёт гроза.

Небо ещё только-только начинало темнеть, но приходившая тьма уже пугала Августина. Холодный ветер не бил его, а только, как казалось, нежно окутывал его. Августин чувствовал, что нежности ветра – это лёгкие прикосновения тьмы.

Было холодно так, что небольшие мурашки прошли по коже Августина. Но возвращаться в подвал за курточкой он не хотел. И потому он, держа свёрток своей новой картины в руках, отправился в ту самую школу искусств, на выставку, после которой его жизнь могла измениться.

Всегда любивший смотреть на людей Августин сегодня даже не бросал на них и короткого взгляда. Волнения терзали душу Августина. Его терзало не только будущее выступление перед комиссией, но и надвигающаяся тьма. Он смотрел в это хмурое, тёмно-серое небо, где тучи собирались, чтобы устроить свой праздник с громом и молниями. Страшное предчувствие поселялось в его душе. И чем ближе он подходил к назначенному месту, тем больше росла тревога.

«Мне не нужно бояться... – Говорил он про себя. – Но я боюсь, я страшно боюсь. Боюсь! Боюсь! Боюсь! Тревога нарастет... Нет, они не выберут меня. Они съедят меня своим взглядом. И я страшно боюсь их взгляда...»

Я хочу признания. Но не *их* признания, а признания великих художников. Хочу быть великим, хочу быть гением. Хочу стать таким же, какими были все великие художники. Да только я не смогу... Не смогу...»

И вот уже Августин подошёл к школе искусств. Перед ним стояло трёхэтажное здание, раскрашенное в жёлтый цвет. По шести ступенькам Августин поднялся к входу, взялся за ручку и вошёл.

В холле уже стояли люди. Здесь была вся творческая элита Города со своими друзьями и знакомыми. И только Августин пришёл один. Виктор предлагал ему пойти с ним, но тот отказался. Теперь же Августин остался один против этих уже признанных художников. Про себя Августин их презирал. Он знал их, даже видел работы некоторых на выставке в го-

родском музее, куда работники по жалости пускали его бесплатно. Их работы не манили его, как работы великих мастеров. Ему не хотелось смотреть снова и снова на их работы, а мысли о них не мучали его. Они не являлись для него кумирами, а потому встретить их не было приятностью для Августина. Он только тихо подошёл к их кругу со свёрнутым холстом, который держал под мышкой. Те даже не заметили его присутствия. Люди в дорогих костюмах просто стояли рядом, что-то обсуждали и смеялись.

– Говорят, сегодня придут три новых художника, – сказал тип средних лет в чёрном фраке, белой рубашке и красном галстуке-бабочке. Его тёмно-русые волосы были аккуратно уложены назад, и сатирическая улыбка кривила рот.

– Но все-то знают, что возьмут только ведущих художников и одного нового, – кокетливо сказала молодая блондинка в синем платье, намекая, что её спутника туда точно возьмут и ему волноваться не о чем.

– Да только новым художником будет сын Собачникова, местного крупного бизнесмена. За это место уже заплатили. У двух других нет шансов. Да и пригласили их только ради смеха! – Сказала другая спутница этого человека, которая была брюнеткой в розовом платье.

– Дамы и господа! – Вдруг отвлёк Августина от их разговора голос какого-то старика, стоявшего у дверей холла. – Мы скоро начинаем! Пожалуйста, идите за мной.

И все пошли за этим стариком. И очень неприятно бы-

ло для Августина это небольшое путешествие. Сначала они шли по какому-то длинному коридору, где отвратительно воняло подвальными трубами, а после поднялись на второй этаж, где был актовый зал. Зал показался Августину маленьким и не интересным. На огромных окнах висели старые кремовые шторы, которые почему-то были отвратительны Августину. А на потолке висели старые люстры, которые для Августина были совсем не эстетичными. Затем голос старика попросил художников занять места около своих картин. Августин терялся в толпе, натёкался на людей и чуть ли не отчаялся. Он хотел найти свои картины, но не находил. Он даже боялся, что картин его тут и вовсе нет, а позвали его только для того чтобы посмеяться. Но в итоге в одном из углов зала он нашёл небольшой стол, куда были скинуты в кучу его работы. Работы же других были оформлены в красивые рамки, а его холсты только вызывали отвращение своими краями, на которых показывались нитки.

Августин хотел развернуться и покинуть выставку. Теперь он понял, что никто его работы смотреть серьёзно не собирается. Его работы тут не нужны. Он понимал, что был приглашён только для посмешища. Но забирать свои картины и уходить было поздно. Выставка началась.

Спустя пару часов, когда остальные художники рассказали о своих картинах, комиссия подошла и к Августину. Августин был последним художником. Итак, комиссия подошла к Августину, и за ней подошёл весь зал. «Они будут сме-

яться... Будут смеяться прямо тебе в лицо. Ты ничтожен, ты ничтожен, – говорил голос в голове Августина. – Они уже смеются, потому что ты ничтожество. Твои работы для них только шутка. Никому же из них они не нужны. Только посмотри на их глаза. Они с любопытством смотрят на тебя, пытаясь угадать, что ты им покажешь. А потом они будут смеяться, смеяться долго и безудержно...»

В комиссию входило три человека: двое мужчин и одна женщина. Женщине было лет сорок, у неё были длинные тёмные волосы, заделанные назад. Глаза её выглядели грустными, однако Августин заметил на их дне злобного зверя, который готов загрызть кого угодно. Рядом с ней, посередине, стоял мужчина примерно её возраста, лысый, в строгом костюме. Он выглядел очень строго, и глаза его были строги, отчего Августин понял, что перед ним стоит жестокий критик, который никого не щадит. Справа от этого критика стоял человек, который совершенно отличался не только от остальных членов комиссии, но и от всех присутствующих вообще. Это был невысокого роста старичок с добрыми глазами. Его доброе лицо слегка утешило и придало уверенности Августину. Но он всё равно чувствовал, что те двое волков сгрызут его до последней косточки.

«Здравствуйте! – Строгим басом сказал лысый человек. – Расскажите нам о своих работах!» Тут Августин подал им первую картину, после чего заметил, как стоявшие в зале люди стали что-то шептать друг другу на ухо и тихонько посме-

иваться.

«Главной концепцией моих работ является улица, – начал Августин, как услышал чей-то несдержанный смешок, сделал небольшую паузу, а после продолжил. – Я сам пару месяцев назад жил на улице. На самом деле жить на улице не так уж и плохо. На улице я встречал множество разных людей. И потому я захотел изобразить их».

Все трое внимательно рассматривали первую картину. На ней был нарисован задний ход супермаркета, из мусорных корзин которого бездомные доставали еду. Их было двое. Один из них был небритый старик в тёмно-синей шапке и грязно-зелёной куртке. Другой был средних лет, с грязными чёрными волосами, одетый в заношенный спортивный костюм.

– На этой картине я показал двоих, которые ищут еду в мусорных корзинах...

– Я вижу, – перебил его строгий бас. – У вас все картины основаны на жизни бездомных?

– Нет. Есть картины и с обычными людьми, которые проходят мимо и не замечают бедных. Однако и они показаны как бедные, только бедны они тем, что несчастны. У них есть деньги, да только сердца их пусты, отчего они и несчастны...

– Я услышал достаточно, – вдруг снова перебил его строгий бас, а зал, как казалось Августину, наполнился громким и безудержным смехом. – Скажите, ваша новая работа тоже о бездомных?

– Нет. На ней показан человек во тьме, который нашёл свет, пустив белую птицу надежды. Это своего рода душа каждого человека. Люди по сути живут во тьме, но если они отпустят от себя что-то светлое и хорошее, как на моей картине человек отпускает птицу, то они смогут узреть свет.

– Понятно, – вновь ответил строгий бас. – Но нам не подходят ваши работы. Видите ли, таких работ, как ваши, достаточно. Зачем же лишний раз говорить о проблеме, которую нельзя решить? Ваши бродяги сами сделали свой выбор. Не считаю, что их можно жалеть.

– Но я не хотел показать, что их нужно жалеть. Я хочу показать, что люди должны быть ближе друг к другу. Несчастливы все: и богатые, и бедные. И они должны помогать друг другу...

– И чем же это они помогут друг другу?

– Взаимной духовной любовью друг к другу. Они должны говорить и быть рядом. А люди же только замкнуты в себе... Кстати, а вы не замечали, что с каждым годом на улицах становится всё тише и тише? – И тут Августину вновь начало казаться, что все в зале над ним смеются, поэтому он замолчал. Да и волнение мешало ему выразить свою мысль так, как бы ему хотелось выразиться.

– Я думаю, вы и сами запутаны в своих мыслях, – вдруг сказал женский голос. – Мы знаем о бездомных людях и прочих несчастных. У вас хорошая концепция, но она не новая, понимаете? Мы хотим отправить на выставку что-то новое.

А эта тема уже давно считается открытой. Знаете, на следующий сезон мы снова будем собирать художников для выставки. Вы можете прийти. Только не приносите работ, где темы будут не такими уж и новыми. Нам нужны свежие идеи, а в ваших картинах нет ничего такого. Не расстраивайтесь. Работайте, и у вас всё получится. Мы будем готовы принять вас в следующем сезоне. Но вы можете оставить нам свои работы. Может, мы пересмотрим их и передумаем.

– Хорошо, – ответил ей Августин, даже не зная, когда будет тот самый «следующий сезон». Члены комиссии отошли от него и нырнули вглубь собравшейся толпы. И только тот самый старик добро глядел на него, а после сказал: «Работы замечательные! Вы потрясающий художник! Если бы я имел среди них своё слово, то я бы взял вас на выставку. Но, к сожалению, я этого не могу. А вы не расстраивайтесь! Когда-нибудь наступит ваш час!»

Старик ушёл, оставив Августина одного. Но только отзыв его никак не утешил Августина. Августин сейчас был погружен в свои размышления. «Ты никто! Никто! Зачем ты полез сюда? Они только смеются над тобой! И ты смешон, потому что ничтожен. Не нужен ты ни им, ни миру, понимаешь?» – Говорил чей-то голос в голове Августина, пока фраза: «За нас!», а после чоканье бокалов, не отвлекли его. Когда этим людям уже принесли бокалы? А ведь он даже не заметил, как кто-то принёс им бокалы. Он только молча стоял у стола со своими работами, глядя на них и ненавидя.

«Простите, я отнесу это в другое место, – сказал человек, который подошёл к нему и выглядел как официант. – Сейчас будет банкет в честь тех, кто идёт на выставку. Не волнуйтесь, я уберу ваши работы в другое место». «Делайте, что хотите», – ответил Августин и ушёл.

Уходя, он слышал весёлые голоса, чоканья бокалов и даже чьё-то чавканье. «Как же отвратителен этот мир якобы гениев и талантов, – говорил он про себя. – А чем их работы лучше моих? Я видел их работы. Кто-то рисует городские пейзажи, кто-то – простые натюрморты. Чем вазы цветов или деревья в парке лучше моих работ? Да таким картинкам учат рисовать ещё в младших классах! А все эти пейзажи рисовали тысячи других, да только лучшим из них был Левитан...»

Августин тихо вышел из зала, стараясь возвращаться обратно по тому же пути, который привёл его сюда. Он спускался по лестницам вниз и думал: «И зачем я только согласился на это? Лучше бы я так и оставался на улице, рисуя на старых найденных газетах, чем находился в этом элитном обществе! Не моя это жизнь! Не моя! Я не умею лицемерить и рисовать то, что угодно *им!*»

Когда Августин спустился по лестнице вниз, то вновь попал в тот длинный коридор, где так отвратительно воняло подвальными трубами. «Что за отвратительный запах! – думал Августин. – Так только пахнут трубы подвала... Подвал... Любое жильё человека – это гроб, в котором он прячется от внешнего мира. Может, и мне уже стоит спрятать-

ся? Чем этот мир так хорош? И почему я только любил его раньше?»

Наконец длинный коридор закончился, и Августин снова оказался в том холле. И только сейчас он заметил, что в холле есть настенные часы. Стрелка находилась между цифрами «10» и «11» так, что Августин так и не понял, к какой именно цифре она относится. «И неужели я так долго был здесь?» – спрашивал себя Августин. Потом он попытался понять, почему прошло так много времени. Потом он вспомнил, что проснулся рано утром из-за своего сна, потом лежал на раскладушке до семи часов вечера, пока заведённый будильник не напомнил ему о том, что надо выходить. «Да, будильник... Я ведь всегда завожу его, чтобы было кому отвлечь меня от мыслей, в которые я погружаюсь со всей своей головой...» – Лишь вспомнил Августин, глядя на эти настенные часы. Но время, которое показывали эти часы, не пугало Августина, и он вышел из школы искусств на улицу, где его уже ждала тьма.

Глава 4. Прогулки во тьме

Августин вышел из школы искусств. На выходе его встретил поздний тёмный вечер. Было темно, но это не волновало Августина. Его больше волновал отказ, который ему дали. На его глазах чуть ли не стояли слёзы. Он не мог и не хотел верить, что ему отказали и работы его не приняли. А сколько душевных сил он вложил в них! А ведь одному из комиссии понравились картины Августина. «Да и то понравились ему, потому что он в своём деле разбирается, – объяснял себе Августин. – Остальные же двое не любят своё дело, а потому ничего не понимают в нём. Они сидят там только ради зарплаты, да и потому сидят, что деваться больше некуда. Они ничего не понимают в этом деле. Нет, может, что-то они и понимают. Но проблема в том, что не любят они своё дело. Работу, которую ты делаешь, надо, прежде всего, любить. Тот, кто не любит свою работу, ничего в той области, где он работает, не добьётся. А что делать, если любишь, а работы твои не принимают?»

Бродя по тёмному Городу, Августин встречал людей, которые спешили домой. Люди, в которых Августин всегда старался видеть что-то хорошее, теперь были ненавистны ему. «Да вы только посмотрите на них! – Говорил он про себя. – Вон, идёт один средних лет. А куда, он спрашивается, идёт? Да от любовницы идёт, прикрывшись от жены тем, что яко-

бы задержался на работе! А ведь дома ждёт не только жена. Ждут и дети. А он обманывает их. И зачем надо было жениться и создавать семью, если потом всё равно стал ходить по любовницам? Хотя... Чёрт с ним! Жизнь его, пусть делает, что хочет!..

Всё – ложь! Все люди лживы! Они только пытаются выглядеть великими, когда на самом деле так ничтожны! Люди ничтожны, и проблемы их ничтожны. Они зациклены на мелких и бытовых проблемах, когда не видят свою самую большую и серьёзную проблему. А проблема эта состоит в том, что душ нет в этом мире. Люди – это только тени, призраки человеческих душ. Для них нет ничего духовного и прекрасного. Для них есть только они сами. Они все эгоистичны. Но даже в этом эгоизме они не задумываются о благополучии собственной души. Их души несчастны. Они не станут счастливыми никогда. Люди всегда были несчастны, потому что им неведомо истинное счастье. И они никогда не узнают его. А вообще вся история людей – это история грустного человека, который держит пистолет у виска и вот-вот выстрелит...»

Уже был поздний вечер, давно стемнело, но это не заставило Августина идти домой. Ему вдруг опротивел тот подвал, в котором он жил и работал. Ему больше не хотелось возвращаться туда, где он запирался от всего мира. Он не хотел идти туда, потому что чувствовал себя потерянным и понимал, что в подвале он себя не найдёт. На глазах его стояли

слёзы, а сердце жгло чувство обиды. Почему они не взяли его работы? Почему они выбрали обычные заурядные работы, которые выглядели так, словно их сделали за несколько часов перед выступлением? А выбрали эти работы потому, что они были сделаны в угоду *им*. Да, Августин потерял шанс попасть на выставку в столице страны, но зато он не потерял своей независимости художника. И пусть они не приняли его работы. Примут потом. «Всегда должно пройти время, чтобы гениальную работу признали, – пытался успокоить сам себя Августин. – Да только мои работы не признают никогда, потому нет в них никакой гениальности...»

Вечер приближался к ночи, но это не пугало Августина. Он даже не чувствовал холодный ветер. Он просто шёл мимо чужих улиц, мимо чужих домов и окон. Проходя мимо домов, он видел, как в домах зажигался *искусственный* свет. «Зачем людям *искусственный* свет? Они настолько поглощены тьмой, что даже *искусственный* свет им не поможет. Им уже ничего не поможет...» – Подумал вдруг Августин, но мысль эта быстро ушла из его головы. Он вдруг опять вспомнил, как ему отказали, и лицо его снова исказилось грустью и обидой. Он действительно любил своё дело. В эти картины он вложил всего себя. Его не волновало то, сколько времени он потратил. А времени он потратил очень много. Его волновало только то, сколько душевных сил он вложил в создание работ. Он вложил в них всё, что пережил до этого. А всё, что он пережил до этого, были одни страда-

ния. Всю жизнь свою он страдал. И шанс, как ему казалось, единственный шанс, чтобы искупить свои страдания и стать свободным счастливым художником был упущен. И куда ему теперь было идти? В том и проблема, что идти ему было некуда. Ему казалось, что все двери теперь были для него закрыты. А к работам своим, которые принесли ровно ничего, он пропитался ненавистью. Теперь у него было к ним чувство непонятной ненавистной любви. Он всё равно любил их, но и в то же время ненавидел. Работы его та комиссия оставила у себя, и этот факт раздражал его ещё больше. Почему они оставили работы себе, если они им не нравятся? Зачем они им нужны? Августин бы уничтожил их, но этого он сделать теперь уже не смог. И он раздражался от мысли, что эти «отвратительные работы остались живы».

Августин теперь шёл сквозь тьму. Страшная, тёмная и беззвёздная ночь окутала Город. Августин шёл по закоулкам и дворам, где не было фонарей. Даже из окон домов не выходил свет, так как уже давно наступила глубокая ночь и все люди спали. Теперь же Августин остался один. И остался один, погружённый во тьму. «Кто-нибудь знает, зачем мы живём? Чем дальше я живу, тем больше склоняюсь к мысли, что нет ни жизни, ни смысла в ней. Ничего нет. Жизнь всегда только поманит, а после оставит ни с чем...

На что я надеялся? Во что я верил? Как я мог возомнить себя каким-то великим человеком? Нет, я не великий человек. Я – никто! Я – бездарность! Я же ещё, как полный ду-

рак, верил, что работы мои примут и возьмут на выставку в Москву. Я верил, что после этого смогу почувствовать себя великим художником. Но это были только пустые мечты... Я не создал чего-то гениального. Я не смог создать гениальное...» – Думал про себя Августин, находившийся в полном разочаровании.

В таких мыслях он и бродил по Городу, даже не замечая, как тьма становится всё больше и больше. Через время Августин всё-таки успокоился и вышел из своего состояния задумчивости, в которое он всегда входил и не замечал, что происходит вокруг. Когда он пришёл в себя, то он осознал, что находится в каком-то неизвестном переулке, из которого, казалось, не было выхода. Кругом было темно, и нигде не было света. Августин теперь же не на шутку испугался. Он был в незнакомом месте, из которого не знал выхода. Но больше всего его охватывал огромный и невыразимый страх перед Тьмой. Нет, он не боялся темноты. Он боялся этой огромной и величественной силы Тьмы, которая уже незаметно для него пришла и захватила собой всё, что только могла. Это была Тьма, которой всегда противостоит великий Свет. «Тьма идёт... – Думал Августин. – Единственный противник ей – свет. Свет, который идёт от души человека. Душа – это свет. Душа человека – вот что способно противостоять ей. Но только люди не понимают этого. Они поддаются влиянию Тьмы. Но Тьма – это только обман для них. Она только обещает дать им то, чего они хотят. Но на самом же

деле в итоге единственным, кто получит желаемое, будет сама Тьма. И цель её – погасить огни человеческих душ.

И ей это удалось... И нет больше в мире Света, способного зажечься в противовес ей. И я поглощён Тьмой... И я уйду в неё... Погружаюсь в неё с головой... Тьма забирает меня... Я уйду... уйду...»

И Августин чувствовал, как что-то меняется внутри него, в его сознании. Этого он боялся и одновременно хотел. Непонятная паника охватила его тело. Он хотел бежать, но бежать ему было некуда. Да и бежать ему совсем не хотелось. Вдруг он понял, что в его голове кто-то есть. И этот кто-то не он сам. И этот кто-то начал говорить в его голове:

– Тьма наступает... Тьма сильна. Ещё некоторое время, и она поглотит собою весь мир. Ты и сам это знаешь. Ты знаешь, что сознание людей уже давно окутано тьмой. Да и самих людей как таковых уже почти не существует. Мир рушится, и ты это видишь. И мир рушится, потому что сами люди хотят его разрушения. Сами люди сделали свой мир таким. Все люди злы и ужасны. Но есть среди них и хорошие.

И эти хорошие люди выросли на страданиях тех самых злых людей. Видишь, как ни странно, зло необходимо миру. Человек, выросший на доброте, никогда не будет хорошим. Он будет только избалованным, а оттого ничтожным. Он никогда не будет знать, как это «жить и страдать». Человек, пострадавший от злости других людей, будет это знать. И страдание это очистит душу его.

Ты гений. Таких, как ты, не признают. Таких признают только через время. А хочешь знать, почему? Таких, как ты считают ненормальными. А считают именно потому, что только эти ненормальные и *правы*. Они правы в том, что показывают миру, как он ужасен. Разве Бог сотворил мир ужасным? Нет. Его сделал ужасным только сам человек. Человек согрешил, и его сразу же отправили в мир грешный. Его отправили в мир, где совершать грехи – удовольствие. Для людей важна только физическая удовлетворённость. Они все хотят есть, пить... Для них это важно. А о душе же своей не подумал никто. Им нравится сидеть с набитым животом и с пустым сердцем. Они сами не свободны, и не дают свободы другим. Свободы в мире нет. Люди, глупые и пустые люди, управляют друг другом. И управляют, в первую очередь, те, которые исправляют мозги другим, а не себе. Отвратительные люди!

– И нет миру спасения... – Про себя отвечал Августин.

– И всё, что так любимо и ненавидимо... Всё, что создаётся и разрушается... Всё будет поглощено Тьмой...

– И не будет больше света...

– Свет душ гаснет... Тьма давно проникла в сознание людей...

– И моя душа поглощается Тьмой...

– И всё в этом мире поглощается тьмой...

– Но заслуживает ли мир того, чтобы его поглотила тьма?

– Мир зависит от выбора людей. Тьма – их выбор.

– Тогда пусть мир уходит во Тьму...

– И не будет им света. И Тьма уже пришла...

– И уже поглотила меня...

– Но как бы то ни было, ты не должен сдаваться. Они разбили твоё сердце, но кто они такие и почему имеют на это право? Ты должен найти в себе силы, чтобы бороться дальше...

– Я не хочу... Я не могу... Я не гений, я никто...

– Без света твоей души Тьма поглотит всё...

– Но ведь и Тьма – источник света...

– И Тьма идёт...

В сознании Августина Тьма начинала захватывать всё. Но это только казалось ему. Ему казалось, что Тьма тысячами рук сжимала его душу. Он чувствовал холод. Всё тело его застывало от холода. Августин чувствовал нарастание Тьмы в своей душе...

...Как будто чёрные ленты витали вокруг него. Кругом было темно и пусто... пусто и темно... За своей спиной Августин слышал дыхание Тьмы. Он знал, что если побежит без оглядки, то сможет остаться живым. Но ему, наоборот, хотелось умереть. И он стоял, предаваясь объятиям Тьмы...

На время он вышел на свет. Но зачем? Для чего? Стоил ли мир того, чтобы Августин показал ему свои любовь и доброту? А ведь он только хотел противостоять жестокости общества и людским страхам. И для этого он вышел на свет. Но зачем? Чтобы опять остаться одиноким и вернуться во Тьму?..

...И он чувствовал, как огромный ураган Тьмы проходил в его душе и сметал всё на своём пути. Он убивал все чувства и уничтожал все мысли. Глаза Августина начинали терять свой блеск. Мысленно Августин видел кроваво-красное небо и тёмно-бордовую землю. Он видел, как рушились дома и тысячи кирпичей от них падали у ног Августина, выстраивая стену. Свет гас... Свет исчезал за этим препятствием, которым являлась стена, отделявшая Августина от мира и самого себя. Тьма наступила. И она в виде урагана сметала всё, что было внутри него. И он был слаб перед ней. Свет гас, и Августин предавался Тьме...

«Ааа! Ааа!» – Казался Августину чей-то крик. Ему казалось, будто издали кто-то кричал. Но на самом же деле никто не кричал. Также ему казалось, будто он слышит треск разбиваемого стекла, хруст ломающейся кости или звуки всепоглощающего огня – словом, все звуки разрушения. Ему и самому казалось, будто самого его ломает кто-то невидимый. Ему казалось, будто кто-то огромной рукой давит его плечи, выворачивает руки, скручивает ноги, жестоко пинает по всему туловищу. Августин был сломлен, и его ломали ещё и ещё, снова и снова...

Августин еле-еле стоял на ногах, глаза его закатывались, а руки и тело предавались дрожи и судорогам то ли от холода, то ли от страха. Тьма действительно пришла, и она стояла рядом с ним.

Тьма начинала проникать в душу Августина. Он всем сво-

им сознанием чувствовал, что она уже внутри него. Он чувствовал, как она заполняет собой все углы граней его души. В душе же его Свет становился слаб и не противился приходившей Тьме. Да и сам Августин не противился приходившей Тьме. Ему, наоборот, хотелось, чтобы она поглотила его. Он хотел умереть. Он хотел, чтобы дар его угас или умер, перестав мучить его. Дар приносил ему, как считал он сам, только мнимые иллюзии и мечты. Августин хотел, чтобы Тьма забрала у него этот дар, потому что подарить его Свету он не мог.

Августин стоял на месте, погружённый во Тьму. Кругом стояла тишина, и ни одного звука не произносилось. Порой Августин поднимал глаза к небу, но то было также черно: ни Луна, ни звёзды – ничего не освещало путь Августину, которого сломал собственный дар. «Как я мог верить *ему*? – Мысленно спрашивал он себя. – *Он* обманул меня. *Он* дал мне только ложные иллюзии. А чего хотел я? На что я надеялся?

Нет, не нужен я людям. Людям нужны только те, кто говорит и делает в угоду им. Я же так не могу. Или я буду служителем Правды и стану несчастным, или я умру от разочарования из-за правящей вокруг лжи»...

...Ночной холод начинал окутывать Августина. Он чувствовал, как застывает. Но холод этот отчасти приносил и облегчение. Августину вдруг захотелось, чтобы холод и смерть забрали его из этого мира. Мысленно Августин подносил пи-

столет к правому виску. Он закрыл глаза и мысленно выстрелил. И руками ветра Тьма забрала себе его душу...

Он открыл глаза. Непонятно для себя каким образом Августин стоял в нескольких шагах от дома, где находился его подвал. Теперь Августин понял, что пришёл в этот подвал другой дорогой, которой обычно никогда не ходил. Небо же из чёрного превратилось в синее и мешалось с голубыми полосками. Свет приходил, но Августину было всё равно. Теперь он только хотел спрятаться в своём подвале и больше никогда не выходить оттуда. Так он и сделал.

Быстрыми шагами, немного сутулясь, он дошёл до подвала, снял вывеску, открыл дверь. Он зашёл и заперся на замок изнутри. Теперь никто не тронет его и не побеспокоит. И никто не сможет вывести его отсюда. Он выйдет из этого тёмного подвала только тогда, когда сам этого захочет. Но захочет ли?..

Глава 5. Неожиданные события в жизни Виктора

Утро пришло, но рассвет не наступил. На улице было серо и пасмурно. Огромные тёмно-серые тучи закрывали собой всё небо.

Виктор проснулся. В его комнате было темно, но света он включать не стал. Он посмотрел на часы – те показывали «10:20». Тогда Виктор встал с кровати и стал куда-то собираться. Как и обычно, он оделся во всё чёрное.

Завязав шнурки своих ботинок, он открыл дверь и вышел. Мать его спала, поэтому он тихо запер дверь ключом.

Он подошёл к лифту и уже потянул руку к кнопке вызова, но тут что-то вдруг остановило его. Он обернулся – позади него, кроме лестницы, не было никого и ничего. В этот момент он понял, что хочет спуститься по ней, а не по лифту. И он отошёл от лифта, спускаясь вниз по многочисленным ступеням лестницы.

Он жил на последнем этаже девятиэтажного дома, и потому всегда пользовался лифтом. Но сегодня эти лестницы, ведущие его с высот вниз, уже не казались ему тяжёлым путём. Он прошёл вниз по ступеням, причём, прошёл медленными шагами, и при этом совсем не ощущал усталости.

Также медленно он вышел из подъезда. Он открыл дверь

подъезда, и лёгкий ветерок заиграл с его волосами. Виктор поправил волосы и осмотрел двор. Во дворе не было никого, и Виктор украдкой прошёл через него, стараясь быть незамеченным.

– Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! – Вдруг резкий детский смех вывел Виктора из задумчивости.

– Не догонишь! Не догонишь! – Кричал один маленький мальчик, пробежав прямо перед Виктором и чуть не столкнув его с ног.

– Ещё как догоню! – Также весело кричал другой маленький мальчик, бежавший следом за своим другом.

Тот, что обещал догнать, всё-таки сделал это. Выходя из двора, Виктор обернулся. Те двое уже катались на карусели и смеялись. Для этих двоих ещё не существовал тот жестокий мир со всеми своими страданиями, болью и несправедливостью, в котором жил Виктор. Для них существовал свой особенный мир счастливого детства, который Виктору уже давно был чужд. Он смотрел на этих счастливых мальчиков и не понимал, почему так счастливы они и почему так несчастлив он.

Но он не стал задумываться и вновь пытаться понять причины своего несчастья. «Мне нельзя отвлекаться!» – Сказал он про себя и отвернулся от детей.

В глубокой задумчивости он дошёл до автобусной остановки. На скамейку садиться он не стал, а решил ждать автобус стоя. Где-то в глубине души ему по каким-то неведо-

мым причинам не хотелось, чтобы автобус приезжал. Однако это желание Виктора не сбылось. Как только он встал у остановки, вдали стал показываться автобус. Пока он ехал, к автобусной остановке подошли ещё двое молодых людей, девушка и женщина средних лет. Но на них Виктор не обратил ни малейшего внимания, ведь он всегда был безразличен к обычным прохожим.

Между тем автобус подъехал, выпустил несколько человек, на которых Виктор также не обратил внимания, и впустил новых пассажиров. Виктор зашёл в полупустой автобус. Для себя он выбрал место в самом конце автобуса. Как только он сел, женщина средних лет с тёмными короткими волосами подошла к нему. Он достал несколько монет из кармана и отдал ей. Она пересчитала монеты, оторвала маленький билетик из огромной длинной ленты и вручила ему.

Смотреть на пассажиров Виктору не хотелось, и потому он повернул голову к окну. Но Город, мелькавший за окном, тоже не интересовал Виктора. Его не интересовали эти дома, деревья и люди. Он, находясь в глубокой задумчивости, даже не замечал, что происходило за окном.

«Пора! – Думал он. – Пути назад уже нет. Я *сильный*, и я смогу. Дело уже давно начато, и, значит, его нужно закончить.

Сколько ещё осталось? По моим расчётам осталась неделя... Целая неделя! Однако эта неделя – пустяк, в сравнении с тем, что я жду уже несколько месяцев.

Скоро будет моя остановка... Надо выйти и зайти в магазин... Куплю ей хлеб, молоко, фрукты...

Что ещё нужно? В аптеку ещё зайти нужно... Да, в аптеку... в аптеку... в аптеку...» – И далее Виктор уже не думал ни о чём, кроме того, что ему нужно было зайти в аптеку.

Автобус остановился, и Виктор увидел в окне знакомое место. Это была остановка, на которой он должен был выйти. И он нехотя вышел.

«Хочу ли я этого?» – Спросил он себя. И мысли о славе моментально проскользнули в его голове, и он ответил себе: «Да. Только этого я и хочу!»

Медленными, уже превращавшимися в быстрые и уверенные, шагами стал он идти по давно знакомой дороге. Пройдя несколько зданий от автобусной остановки, он оказался у дверей аптеки. Он открыл огромную стеклянную с белыми вставками дверь и очутился в ярко освещённой комнате с запахами всяческих лекарств. Он подошёл к окошку, протянув в него листок со списком лекарств. Молоденькая девушка, на внешность которой он даже не обратил внимания, сидела за окошком и взяла его. Она отошла от окошка, собрала препараты из списка в небольшой пакетик, что-то посчитала на кассе и назвала цену Виктору. Виктор в свою очередь достал из кармана нужную сумму и отдал ей. Она приняла её, отбила в кассе, подав после ему чек и тот самый пакетик с небольшими коробочками. Виктор взял чек, положив его в карман, и с маленьким пакетом в руках вышел из этой ярко

освещённой комнаты, где так противно пахло всевозможными лекарствами.

Он вышел из аптеки и по уже давно знакомой дороге вошёл в давно знакомый двор. В одном из домов находился небольшой продуктовый магазин. И Виктор зашёл в него. Там он взял хлеб, молоко, кое-какие фрукты и овощи.

Выйдя из магазина с ещё одним пакетом в руках, он медленными шагами подошёл к одному дому. Это был большой пятиэтажный дом из красного кирпича. Дом этот теперь почему-то казался ему огромным, так что Виктор чувствовал себя перед ним каким-то маленьким. Он смотрел наверх, мысленно удивляясь огромным размерам дома.

Наконец это чувство, что он мелок перед этим огромным домом, ушло. Тогда Виктор достал ключи, открыл дверь домофона и зашёл в светлый ухоженный подъезд. Он смотрел на светлые стены и чистые белые ступени лестниц и нехотя стал по ним подниматься. Он всегда почему-то чувствовал себя грязным перед этими лестницами из белой плитки, боясь замарать их следами своих ботинок. Но, тем не менее, он пересилил себя и поднялся на третий этаж этого дома. Эти ступени, и без того всегда казавшиеся ему чужими, теперь казались ему совершенно отчуждёнными. Он медленными шагами пробрался по ним до нужной квартиры.

Он остановился у пятидесятой квартиры. Открывать дверь своим ключом ему не захотелось. Квартира эта всё равно была ему чужда, и он всегда приходил в неё как гость,

а не как хозяин. Он потянул руку к звонку и остановился. Мысли снова захватили его голову.

«Зачем я иду? – Спрашивал он себя. – Знаю, зачем иду. Я ведь убивать иду. Я *сильный*, и я смогу.

Я уже давно прихожу к ней, принося эти лекарства, надеясь, что они накопятся в её организме и убьют её. И я бы не делал этого, если бы нужда не толкала меня на это. Я ведь просил у неё денег, она не давала. И я не могу ждать, когда она умрёт сама и оставит после себя наследство. Я не могу этого ждать. Я не могу ждать, пока лучшие годы моей жизни уйдут и я стану *слабым*. Я должен сделать это сейчас.

Да и жизнь её ничего не стоит. Ничего! И между тем это никчёмное существо живёт здесь, в элитном районе Города, и занимает огромную трёхкомнатную квартиру. И я даже не говорю обо всех её счетах в банках! Ей не нужны эти деньги. Но мне-то они нужны! Мне нужны деньги, на которые я смогу уехать отсюда в то место, где можно прославиться.

И мне совсем не жалко её, если она умрёт. Это она виновата в смерти моего отца. Это она заставляла его служить, а потом отправила его на войну. Она же и долго не могла признать ни меня, ни мать мою после его смерти. Однако «маленький Витя» подрос и стал так похож на её сына, что где-то внутри неё проснулась небольшая любовь, и она решила снизойти к нему. А ведь я помню, как она унижала мою мать, называя её алкоголичкой и пытаясь забрать меня у неё. И как же хорошо, что ей не удалось этого сделать!

Я бы не вытерпел её каждодневных нравоучений! Она – тиран, и такие, как она, не имеют права жить. Да, она не применяет рукоприкладства. Но там, где нет тиранства физического, есть тиранство духовное. И я не дамся ей!

Из-за неё умер мой отец. Из-за неё моя мать сделалась такой. Она виновата в этих несчастьях. И наказание ей будет в лице меня...»

– Витя! – Вдруг чей-то старушечий голос окликнул Виктора и вывел из задумчивости. Виктор опустил руку, которая так и застыла у дверного звонка, не решаясь нажимать на кнопку, и повернулся на голос. – Ты к бабушке пришёл, что ли?

– Да, – ответил Виктор женщине пожилых лет, открывающей ключами двери соседней квартиры.

– Хорошо, что ты пришёл! – Сказала она. – Я вчера днём была у твоей бабушки. Выглядела она очень плохо и всё за сердце хваталась. Я её пыталась уговорить вызвать врача, да она – ни в какую! Ты уж поговори с ней, уговори к врачу сходить. Может, тебя она послушает...

– Хорошо, – ответил Виктор и нажал на звонок. Подождал. Никто не открыл. Виктор позвонил ещё раз. И ещё. За дверью даже не было слышно шагов. За дверью была тишина... Тогда Виктор достал связку ключей, выбрал нужный и открыл дверь...

– Батюшки! – Изумлённо воскликнула соседка, которая незаметно зашла в квартиру следом за Виктором.

То, что они увидели, поразило их обоих. Виктор бросил все пакеты и побежал в гостиную, где на диване лежала бледная и местами синяя пожилая женщина.

– Бабушка! Бабушка! Бабушка! – Отчаянно кричал Виктор, тряся её тело за плечи. Но всё было бесполезно. Он приложил свою голову к её груди – сердце молчало. Дыхания также не было слышно. Без сомнений, бабушка уже давно спала таким сном, из которого нет выхода.

Прошло пару месяцев с тех пор, как Виктор обнаружил тело своей бабушки. Экспертиза показала, что она умерла от сердечного приступа, а вовсе не от накапливания в организме химических препаратов, лекарств и снотворного. Смерть была естественной, и потому Виктор мог без проблем претендовать на получение наследства, тем более, если других наследников у неё больше не было. Однако Виктор не спешил вступить в права наследования. Он её не убивал, и винить себя ему было не в чем. Но мучала его только одна мысль. «Да ведь я смерти ей желал, – думал он всё время. – И пусть она умерла не из-за меня. Но ведь через время она могла умереть. И смерть её была бы плодом моего злодеяния. Я же смерти ей желал, и смерть пришла за ней. Косвенно я всё равно виноват в её смерти...»

Мысль свою эту он пытался запить алкоголем. И ни одного дня он не был трезв с момента похорон бабушки. И в квар-

тире её он не жил, а всё также закрывался в своей полупустой комнате, заполняя её пространство кучей стеклянных бутылок.

За дверью его комнаты также пила его мать. Но если бы они пили вместе – это было бы полбеды. Беда была как раз в том, что пили они по отдельности, – каждый в своей комнате, запивая собственное горе.

Запивая горе, они оба даже не представляли себе, что и сам алкоголь может принести ещё большее горе в их дом. Горе состояло в том, что к концу июля умерла мать Виктора. Умерла она от рака печени, о котором Виктор ничего не знал. Да и мать его, как оказалось, тоже не знала – такой вывод сделали врачи, судя по её медицинской карте, где не было ни одной записи об обращении за помощью из-за болей в животе.

Виктор похоронил мать. Как только её тело предали земле, он твёрдо решил для себя завязать с алкоголем. И в тот же день Виктор собрал из дома все бутылки в огромный чёрный пакет, выбросив его в мусорный бак.

Попрощавшись с алкоголем, Виктор зашёл в продуктовый магазин. И впервые за эти несколько месяцев он не купил там алкоголя, а взял нормальную еду. Когда он подошёл к кассе, то заметил небольшое удивление девушки, сидевшей за ней. Она действительно была удивлена тем, что Виктор пришёл не просто трезвым, но и не купил ни одной бутылки, содержащей алкоголя.

Виктор обернулся, стоя в очереди. Люди, стоявшие за ним, являлись ему соседями или жили в ближайших домах. Люди, заметив его взгляд, в раз все, как один, сделали жалостливое выражение лица. Они все знали о горе Виктора и своим выражением лица показывали своё сочувствие.

«Фальшивая жалость! – С некоторой злостью подумал про себя Виктор, глядя на них. – Думают, что знают! Думают, что понимают меня и жалеют! Жалость – вздор! Не верю им! Не верю! На самом же деле никому из них не жаль меня!»

И Виктор забрал свой пакет с покупками, уходя домой, чтобы уже никогда не выйти оттуда. Быстрыми шагами он влетел в подъезд дома и скрылся там от всех встречавшихся ему жалостливых взглядов. Виктор зашёл в свою квартиру, заперся снаружи ключом и решил для себя, что больше никогда не выйдет на улицу.

Глава 6. «Мёртвые» души

Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как Августин навсегда заперся в своём подвале, а Виктор в своей квартире. И только одна Анна не могла понять, что происходит вокруг. Об Августине она ничего не знала, и его судьба не интересовала её. Интересовал её только Виктор. Он не отвечал на звонки и не открывал дверь, когда она приходила. Она понимала, что он находится в не лучшем состоянии духа. Но он всячески игнорировал не только её, но и всех ещё с начала июня, когда умерла его бабушка. Анна не понимала, как на такое долгое время можно было уйти, исчезнуть из жизни, скрываясь за стенами своей квартиры и не выходя в мир. Поэтому Анна ещё с вечера решила, что сегодня утром она пойдёт к нему, попытается поговорить с ним и вернуть к жизни. Утро скрывалось за шторами её комнаты, которые она даже не стала открывать, чтобы посмотреть на происходящее за окнами. Только-только проснувшись, она стрелой вылетела из кровати и начала готовиться к встрече с Виктором. Она хотела и выглядеть хорошо, и знать, что сказать ему. Поэтому одновременно одеваясь, она продумывала слова, которые хотела сказать ему.

Она надела красивое синее платье с юбкой-полусолнцем до колен и посмотрела на себя в зеркало. Там на неё смотрела среднего роста девушка с небольшим и даже слегка квадрат-

ным лицом, которое подчёркивали её короткие рыжие волосы. Красивые пухлые губы и серо-голубые глаза, подчёркнутые аккуратной толстой стрелкой, выглядели самыми привлекательными на её лице, за что прощались ей нос картошкой и невысокий лоб. Она была чуть-чуть полноватой, но это было в меру. И в общем итоге она была достаточно привлекательной девушкой, которой можно и даже хотелось любоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.